

18+

Светлана Александровна
Мошнова

ДОРОГИ
МИРА И ТРОПЫ ДУШИ

Книга III: Карнавал масок и поиск
истинного лица

Светлана Мошнова

**Дороги мира и тропы души.
Книга III: Карнавал масок
и поиск истинного лица**

«Издательские решения»

Мошнова С. А.

Дороги мира и тропы души. Книга III: Карнавал масок и поиск истинного лица / С. А. Мошнова — «Издательские решения»,

Эта серия книг, объединенных общим методом, — это путеводитель по внутреннему миру человека. От диагностики души до интеграции опыта — автор соединяет глубину психологического знания с философией странствий, превращая путешествия в инструмент личной трансформации. Третья книга — это путешествие вглубь личности. Вы научитесь распознавать социальные маски, отличать роль от сути, слышать язык тела через танец и превращать страх смерти в праздник жизни. Карнавал — зеркало истинного лица.

© Мошнова С. А.

© Издательские решения

Содержание

Приглашение на бал-маскарад	6
Венеция — Искусство иллюзии (Культура Персоны)	12
Мастерская масок «Masqueri»	12
Маска, которая выбрала меня	14
Техника папье-маше: слои личности	20
Итог: маска как зеркало	24
На каналах под маской	27
Анонимность и свобода	28
Тупики и лабиринты	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дороги мира и тропы души Книга III: Карнавал масок и поиск истинного лица

Светлана Александровна Мошнова

Редактор Ольга Сергеевна Соловьева

© Светлана Александровна Мошнова, 2026

ISBN 978-5-0071-4716-3 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-5397-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приглашение на бал-маскарад

Я сидела в своей квартире, в тишине, которую так долго искала в Исландии, и смотрела на телефон, но экран не светился, потому что я выключила все уведомления ещё неделю назад. Впервые за много лет. После возвращения из «Тишины льдов» я обнаружила, что тишина — это не отсутствие звука, а присутствие себя, и теперь, в этой тишине, я услышала голос, который раньше заглушался всем остальным. Этот голос не был ни моим внутренним критиком, ни голосом уставшей женщины, которая не может встать с постели. Это был другой голос. Он говорил: «Ты умеешь стоять. Ты научилась быть в дискомфорте. Ты построила свои базальтовые колонны. Но ты так и не спросила себя: а кто ты, когда не стоишь? Кто ты, когда не борешься? Кто ты, когда не носишь маску?».

Я вспомнила, как в детстве, на новогодних утренниках, мне всегда давали роль Снегурочки или какой-нибудь принцессы, и я надевала костюм, и на два часа становилась кем-то другим. Я улыбалась натянуто, говорила заученные слова, двигалась по сцене, как марионетка, и всё это время внутри меня сидел кто-то другой, который смотрел на эту игру со стороны и молчал. А потом, когда представление заканчивалось, я снимала костюм и чувствовала странное облегчение. Но это облегчение было с привкусом горечи: я возвращалась к себе, но не была уверена, что эта «я» — настоящая. Может быть, повседневная «я» — это тоже маска? Более удобная, более привычная, но такая же искусственная, как костюм Снегурочки. И может быть, я носила её всю жизнь, не замечая, что под ней давно уже нет лица.

Первая книга, «Исходная точка», научила меня рисовать карту моей души. Я нанесла на неё горы обид, долины привычек, реки воспоминаний. Я знала, где находятся мои болота тоски и где бьют ключи интуиции. Но на этой карте не было ни одного лица. Только ландшафт. Я картографировала территорию, но не её обитателей. Я знала, где я нахожусь, но не знала, кто именно находится там — в этих горах, в этих долинах, в этих пещерах. Я описала место, но не тех, кто в нём живёт. И теперь я понимала, что карта без лиц — это не карта, а схема. А мне нужна была карта.

Вторая книга, «Тишина льдов», дала мне инструменты для выживания на этой территории. Я научилась стоять на своих шести опорах, разворачиваться в тумане, согреваться в Голубой лагуне. Я стала устойчивой. Но устойчивость — это качество камня. А я — не камень. Я — живая. И живое не может быть только устойчивым. Живое — это ещё и текучее, изменчивое, играющее. Живое — это карнавал. Я поняла, что моё следующее путешествие не может быть в место, где я буду снова искать тишину. Тишина — это хорошо, но она не может длиться вечно. Слишком много тишины — и ты начинаешь слышать только себя, а это опасно.

Можно так привыкнуть к своему внутреннему голосу, что перестанешь слышать мир. А мир полон голосов. Полон масок. Полон теней. И моя задача сейчас — не бежать от них, а встретиться с ними. Не в тишине ледника, а в шуме карнавала. Не в одиночестве бездорожья, а в толпе, где сотни лиц, и ни одно из них не является настоящим — включая, возможно, моё собственное. Я вспомнила слова Карла Густава Юнга, которые выписала в свой дневник ещё в первой книге: «Тот, кто смотрит в зеркало воды, видит прежде всего самого себя. Тот, кто идёт к себе, рискует встретиться с собой». Я уже встретила себя в ледниковой лагуне. Я видела свои замороженные айсберги, свои травмы, свои страхи. Но Юнг говорил не только о личном бессознательном.

Он говорил о Тени — о той части нас, которую мы отвергаем, прячем, не хотим признавать. И я поняла, что встреча с Тенью — это не финал, а только начало. Я увидела свои айсберги, но не заглянула под воду. Я не спросила, что там, на глубине, где темно и холодно, где живёт то, что я так долго прятала не только от других, но и от себя. Тень — это не только боль. Это и подавленная радость, и запретная игривость, и спонтанность, которую мы загнали в подвал, потому что она не вписывалась в образ «удобного» человека. Я думала, что моя Тень — это мои страхи, мои травмы, мои слёзы. Но это только часть. Другая часть — это та девочка, которая когда-то смеялась громко, танцевала без музыки, говорила глупости, не боялась быть смешной.

Я заперла её в подвале вместе с болью, потому что решила, что взрослый человек не имеет права на радость без причины. И теперь я должна была её освободить. Где, как не на карнавале, можно безопасно встретиться со своей Тенью? Где, как не в городе, который сам является маской — Венеции? Где, как не в Рио, где тело говорит громче разума? Где, как не в Оахаке, где смерть — не конец, а продолжение жизни? Я выбрала эти три точки на карте мира не случайно. Это не туристические направления. Это три этапа одного процесса, который Юнг называл индивидуацией — процессом становления целостной личностью. И я знала, что не могу пропустить ни один из них.

Венеция — это мастерская масок. Это место, где я должна была исследовать свою Персону — ту социальную роль, которую я играю каждый день. Кем я была? Уставшей женщиной, которая научилась стоять на своих опорах, но всё ещё боялась показать свою слабость? Или кем-то другим? Я должна была сделать маску своими руками, чтобы понять, из чего она сделана. Каждый слой папье-маше — это слой моей личности. Каждый выбор личины — это проекция моих желаний и страхов. И я должна была увидеть, что скрывается под этими слоями. Не для того, чтобы разрушить, а для того, чтобы понять, из чего я состою.

Рио-де-Жанейро — это праздник плоти. Это место, где я должна была встретиться с той частью себя, которую я так долго подавляла. С телом, которое я игнорировала, эксплуатировала, стыдилась. С энергией, которую я замораживала в ледниковой лагуне. В самбе нет места стыду. Там есть ритм, который заставляет тело двигаться, даже если разум протестует. Я должна была позволить своей Тени — не только гневу и боли, но и радости, и страсти, и дикости — выйти на свободу. Не для того, чтобы разрушить себя, а для того, чтобы вспомнить, что я — живая. Что тело — это не просто оболочка, а часть меня, которую я так долго игнорировала.

Оахака — это диалог со смертью. Это место, где я должна была интегрировать то, что нашла. Это не про то, чтобы «стать лучше» или «исцелиться». Это про то, чтобы принять себя целиком: со своими масками, со своими тенями, со своими страхами и со своей силой. День Мёртвых — это не праздник скорби. Это праздник памяти. Это способ примириться с конечностью, с потерями, с теми частями себя, которые «умерли», чтобы дать место новому. И я должна была научиться этому — не в теории, а на практике. Не в книге, а в жизни. Не в мыслях, а в действиях.

Карта третьей книги — это карта трёх городов. Но это не карта маршрута. Это карта моей души, на которой я должна нанести лица. Лица, которые я ношу. Лица, которые я прячу. Лица, которые я боюсь. И, самое главное, — то единственное лицо, которое не является маской. То лицо, которое я, возможно, никогда не видела, потому что оно скрыто под всеми остальными. Я не знаю, найду ли я его. Но я знаю, что должна попытаться. Потому что устойчивость без

подлинности — это просто окаменелость. А я не хочу быть камнем. Я хочу быть живой. Даже если живая — это не то, что я ожидаю увидеть.

Я беру свой дневник — тот самый, с обложкой, испачканной чёрным песком Рейнис-фьяра и исландским мхом, — и открываю его на чистой странице. Я записываю первое задание для себя: «Не искать тишины. Искать голос. Не прятаться от масок. Изучать их. Не бояться Тени. Дать ей слово». Это не план. Это намерение. Это то самое различие, которое я усвоила в первой книге: цель — это то, что можно достичь и вычеркнуть, а намерение — это то, что можно только проживать, углублять, возвращаться к нему снова и снова. Я смотрю на эти слова, написанные моим неровным почерком, и чувствую, как внутри поднимается что-то, чего я давно не чувствовала.

Не страх, не тревогу, не привычное напряжение в плечах. А что-то похожее на любопытство. На интерес. На желание увидеть, что будет дальше. Я не знаю, что ждёт меня в Венеции, в Рио, в Оахаке. Я не знаю, какие маски я там найду, какие Тени встречу, какие лица открою. Но я знаю, что готова. Не потому, что я сильная и справлюсь. А потому, что я устала прятаться. Устала носить маски, которые уже не работают. Устала быть удобной, правильной, предсказуемой. Я хочу быть настоящей. Даже если настоящая — это не то, что я ожидаю увидеть.

Я закрываю дневник, кладу его в рюкзак — тот самый, который прошёл со мной через Исландию, через шторм, через туман, через бездорожье. В нём всё ещё лежат карты, компас, тёплые носки, аптечка, запасной блокнот и карандаш. Я не буду брать с собой много вещей. Только самое необходимое. Потому что это путешествие — не про комфорт. Это путешествие — про встречу. С собой. С другими. С теми частями меня, которые я так долго прятала. И я знаю, что для такой встречи не нужно много багажа. Нужно только мужество. И, может быть, немного краски для маски.

Я вспоминаю, как в детстве я боялась темноты. Мама оставляла включённым ночник в коридоре, и я засыпала, глядя на полоску света под дверью. Эта полоска была моей связью с миром, доказательством того, что я не одна, что там, за дверью, есть кто-то, кто меня любит. Сейчас я не боюсь темноты. Я боюсь того, что могу увидеть при свете. Боюсь увидеть своё лицо без маски — и не узнать его. Боюсь, что под всеми слоями папье-маше, под всеми ролями, под всеми «должна» и «надо» не окажется ничего. Пустота. Та самая пустота, которую я чувствовала в квартире после возвращения из Исландии. Но я знаю, что это не так. Пустота — это не отсутствие. Это присутствие чего-то, что я ещё не умею назвать. Чего-то, что ждёт, когда я дам ему имя.

Я думаю о Венеции. Я никогда там не была. Я видела её только на фотографиях, в фильмах, в книгах. Город на воде. Город-лабиринт. Город-маска. Мне рассказывали, что там пахнет сыростью и кофе, что каналы отражают небо, что мосты соединяют острова, которые когда-то были одним целым. Мне рассказывали, что карнавал — это не просто праздник, а способ на время стать кем-то другим. Снять свою маску и надеть чужую. И я подумала: а что, если я надену маску — и наконец увижу себя? Что, если чужая личина поможет мне разглядеть то, что я прячу от себя самой? Это звучит парадоксально, но в психологии часто так и бывает. Чтобы найти себя, иногда нужно сначала потеряться.

Я думаю о Рио. Я видела его только в новостях, в клипах, в фильмах. Город контрастов. Город, где роскошь и нищета стоят рядом, где смех и слёзы звучат одновременно, где тело говорит громче слов. Мне рассказывали, что самба — это не просто танец, а способ выразить

то, что нельзя выразить словами. Радость, боль, страсть, отчаяние — всё это можно вытанцевать, выкричать, выплеснуть. И я подумала: а что, если я позволю своему телу сказать то, что я так долго молчала? Что, если моя Тень — это не только страх и боль, но и радость, которую я запретила себе чувствовать? Что, если я заморозила не только слёзы, но и смех? И что, если пришло время его разморозить?

Я думаю об Оахаке. Я не знала об этом городе почти ничего, пока не начала готовиться к путешествию. Оахака — это штат в Мексике, где День Мёртвых празднуют не как траур, а как праздник. Там верят, что смерть — это не конец, а переход. Что ушедшие не исчезают, а продолжают жить рядом — в памяти, в алтарях, в еде, которую они любили, в цветах, которые они сажали. Я подумала: а что, если я смогу так же относиться к своим «умершим» частям? К тем частям себя, которые я похоронила, потому что они мешали, потому что они были неудобны, потому что они не вписывались в образ «нормальной женщины»? Что, если я смогу их воскресить — не для того, чтобы они управляли мной, а для того, чтобы они заняли своё место в моей жизни?

Я не знаю, что найду в этих трёх городах. Может быть, ничего. Может быть, всё. Может быть, то, что я ищу, окажется совсем не тем, что я ожидала. Но я знаю одно: я больше не могу сидеть в квартире и смотреть на телефон, который не светится. Я больше не могу ждать, пока жизнь сама придёт ко мне и скажет: «Вот, возьми, это твоё». Я должна выйти за дверь. Я должна сделать первый шаг. Даже если колени дрожат. Даже если страх сжимает горло. Даже если внутренний голос шепчет: «Останься дома. Там безопасно. Там тихо. Там никто не увидит твоё настоящее лицо». Но я больше не хочу прятаться. Я хочу, чтобы меня увидели. Настоящую. Без маски.

Я вспоминаю, как в Исландии, в ночь под шторм, я лежала в палатке и слушала, как ветер трещит по швам. Тогда я поняла, что устойчивость — это не отсутствие страха, а способность быть в страхе, не разрушаясь. Я думала, что это главный урок. Но теперь я понимаю, что это был только первый урок. Второй урок — это способность быть в страхе и при этом не прятаться. Не надевать маску «сильной женщины, которая всё контролирует». Не притворяться, что мне не страшно. Не делать вид, что я знаю, куда иду. Просто быть — уязвимой, растерянной, живой. И этого достаточно, чтобы сделать следующий шаг. И следующий. И следующий.

Я думаю о масках, которые висят в моей квартире. Не венецианские, не карнавальные. Другие. Маска «дочери», которую я ношу, когда звоню маме. Маска «профессионала», которую я надеваю, когда иду на работу. Маска «подруги», которую я ношу, когда слушаю чужие проблемы. Маска «сильной женщины», которую я ношу, когда кто-то говорит: «Ты справишься, ты же всегда справляешься». Я ношу их так давно, что они стали моей кожей. Я не помню, когда надела их впервые. Не помню, как выглядело моё лицо без них. И я боюсь, что если сниму их, то под ними не окажется ничего — только пустота, которую я так долго пыталась заполнить чужими ожиданиями. Но, может быть, эта пустота — не враг, а пространство для чего-то нового.

Но потом я думаю: а что, если пустота — это не отсутствие лица, а его отсутствие в данный момент? Что, если лицо — это не что-то фиксированное, не данность, а процесс? Что, если я могу создавать его заново — каждый день, каждый час, каждую минуту? Что, если маски — это не враги, а инструменты? Что, если я могу их использовать — сознательно, осознанно, не позволяя им управлять мной? Юнг говорил, что Персона — это не болезнь, а необходимость.

Мы не можем жить без масок. Но мы можем выбирать, когда их надевать, а когда снимать. И, самое главное, мы можем помнить, что это только маски. Не лицо. Не суть. Не мы.

Я закрываю глаза и представляю себе бал-маскарад. Огромный зал, свечи, музыка, сотни людей в масках. Никто не знает, кто под маской. Никто не знает, кто я. Я могу быть кем угодно. Могу быть королевой. Могу быть шутом. Могу быть убийцей. Могу быть влюблённой. Могу быть одинокой. Могу быть кем-то, кем никогда не была, но всегда хотела быть. И в этом — свобода. Не та свобода, которую я искала в Исландии, — свобода от людей, от шума, от обязательств. А другая свобода — свобода быть любой. Свобода играть. Свобода менять маски. Свобода не быть «собой» в том смысле, в котором это слово стало для меня тюрьмой. Свобода быть кем угодно — и в этом «кем угодно» наконец найти себя.

Я открываю глаза и смотрю на телефон. Он всё ещё не светится. Я не включаю его. Я не хочу, чтобы кто-то прервал этот момент. Момент, когда я стою на пороге чего-то нового. Момент, когда я ещё не знаю, что будет дальше, но уже знаю, что не вернусь к прежнему. Момент, когда я готова снять маску — не для того, чтобы показать миру своё лицо, а для того, чтобы наконец увидеть его самой. В зеркале. Без прикрас. Без фильтров. Без «я должна быть такой». Просто лицо. Просто я. Такая, какая есть. Уставшая, растерянная, но живая.

Я беру рюкзак, проверяю, всё ли на месте. Дневник. Карандаш. Карта. Компас. Тёплый свитер. Аптечка. Пара яблок. Бутылка воды. Всё, что нужно для путешествия. Всё, что нужно для встречи с собой. Я не беру с собой фотоаппарат. Я не хочу фиксировать. Я хочу чувствовать. Я не беру с собой ноутбук. Я не хочу работать. Я хочу быть. Я не беру с собой старые обиды. Я не хочу их тащить. Я беру только то, что поможет мне идти. И я знаю, что этого достаточно. Больше не нужно. Меньше — тоже.

Я надеваю куртку, беру ключи, выхожу из квартиры. Закрываю дверь. Спускаюсь по лестнице. Выхожу на улицу. Вдыхаю холодный воздух. Смотрю на небо. Оно серое, как в Исландии, но это не то же самое небо. Это небо моего города. Небо, под которым я выросла. Небо, которое я так долго не замечала, потому что смотрела только вниз, в телефон, в свои проблемы. Сейчас я смотрю вверх. И вижу облака. И вижу птиц. И вижу, что мир продолжается. Независимо от того, готова я или нет. Независимо от того, есть у меня маска или нет. Мир просто есть. И я в нём. И это — начало.

Я вызываю такси до аэропорта. Машина приезжает быстро, и я сажусь на заднее сиденье, глядя в окно на знакомые улицы, которые проплывают мимо. Водитель что-то говорит о пробках, о погоде, о ценах, но я не слышу его слов — я слышу только свой внутренний голос, который повторяет: «Ты делаешь правильно. Ты делаешь правильно. Ты делаешь правильно». Я не знаю, откуда этот голос, но он звучит увереннее, чем все мои сомнения, и я позволяю ему вести меня. В аэропорту — толпа, очереди, объявления, чемоданы, лица. Люди спешат, обнимаются, прощаются, встречаются. Я прохожу регистрацию, сдаю багаж, прохожу досмотр. И всё это время я чувствую, как что-то во мне меняется.

Я сажусь в самолёт. Нахожу своё место. Кладу рюкзак на верхнюю полку. Пристёгиваюсь. Смотрю в иллюминатор. Самолёт вырывается на взлётную полосу. За окном — серое небо, бетон, огни. Я закрываю глаза. Вспоминаю, как в детстве я боялась летать. Как сжимала подлокотники кресла, как считала секунды до отрыва, как молилась всем богам, в которых не верила. Сейчас я не боюсь. Или боюсь, но это уже не важно. Потому что страх — это просто сигнал. Датчик. Показание прибора. Он говорит: «Внимание, впереди неизвестность». И я отвечаю:

«Спасибо, я знаю. Я иду туда сама». Самолёт отрывается от земли. Я смотрю в иллюминатор. Город становится маленьким. Дома, улицы, парки, река — всё уменьшается, пока не превращается в точку. И я чувствую, как вместе с этим городом уменьшаются мои старые страхи.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что не остановлюсь. Не сойду на первой станции. Не вернусь домой, испугавшись. Я доеду до конца. До Венеции. До Рио. До Оахаки. До того места, где маски наконец упадут — и я увижу, что под ними. Это приглашение. Приглашение на бал-маскарад, где главный гость — я сама. И я не знаю, кто из нас снимет маску первым — я или та, которая прячется под ней. Но я знаю, что это произойдёт. Рано или поздно. В Венеции. В Рио. В Оахаке. Или где-то между ними. На этом пути, который начинается прямо сейчас, в этом самолёте, на высоте десяти тысяч метров, между «кем я была» и «кем я стану».

Я открываю глаза. Смотрю в иллюминатор. Там — облака. Белые, густые, бесконечные. И над ними — солнце. Яркое, тёплое, настоящее. Я улыбаюсь. Впервые за долгое время — без причины. Просто потому, что я здесь. Просто потому, что я жива. Просто потому, что я — есть. И этого достаточно. На сегодня — точно достаточно. На этот перелёт — достаточно. На это начало — достаточно. Самолёт летит на запад, в Венецию, к маскам, к Тени, к себе. И я лечу вместе с ним. Не как пассажир. Как автор. Как та, кто наконец решила написать свою собственную историю. Своими словами. Своим почерком. Своим голосом. Без маски.

Венеция — Искусство иллюзии (Культура Персоны)

Мастерская масок «Mascareri»

Я приехала в Венецию в конце января, когда карнавал уже начался, но туристов было ещё не так много, как в феврале, и город дышал спокойнее, будто готовился к главному выходу на сцену. Самолёт приземлился в аэропорту Марко Поло рано утром, и первое, что я почувствовала, выйдя из терминала, — это влажный, солёный воздух, который пах не морем, а чем-то древним, застоявшимся, будто сама лагуна дышала на меня своими испарениями. Я ехала в город на водном такси, и чем ближе становились дома, тем сильнее меня охватывало странное чувство, что я возвращаюсь туда, где никогда не была, но что всегда было частью меня. Вода в каналах была тёмной, почти чёрной, как базальт на исландском пляже, но она не пугала меня, потому что я знала: под этой тёмной поверхностью скрывается целый мир, который мне ещё предстояло открыть.

Я вышла на пристани у площади Сан-Марко и пошла пешком, без карты, без плана, просто позволяя ногам выбирать направление. Узкие улочки петляли между домами, мосты перекидывались через каналы, и каждый поворот открывал новый вид, новую перспективу, новый лабиринт, из которого, казалось, нет выхода. Я шла мимо витрин, где висели десятки масок — белых, чёрных, золотых, с перьями, с кружевами, с длинными носами и пустыми глазницами, — и они смотрели на меня, а я смотрела на них. В этом взаимном молчаливом взгляде было что-то тревожное, почти неприличное, будто я подглядывала за чем-то, что не предназначено для чужих глаз. Я чувствовала себя неудобно, но не отводила взгляд, потому что понимала: эти маски знают обо мне больше, чем я сама.

В Исландии я привыкла к ландшафтам, которые не смотрят: камни, лёд, вода — они просто есть, они не оценивают, не ждут, не требуют. А эти маски ждали. Они предлагали мне выбор. И я боялась его сделать, потому что выбор маски — это всегда выбор себя, а я не была уверена, что готова увидеть своё отражение в этих пустых глазницах. Я остановилась перед одной витриной, где висела маска с длинным носом и печальным, почти человеческим выражением, и вдруг почувствовала, что не могу отвести взгляд. Эта маска знала обо мне что-то, чего я сама о себе не знаю, и это знание одновременно пугало и притягивало, как тёмная вода в ледниковой лагуне, в которую страшно заглянуть, но ещё страшнее не заглянуть. Я поняла, что приехала сюда не за красивыми фотографиями и не за венецианским стеклом, а за ответом на вопрос, который мучил меня с того самого дня, как я вернулась из Исландии.

Тишина, которую я так долго искала в ледниках и на бездорожье, не заполнена мной, а пуста. И эта пустота требует не нового ландшафта, а нового лица — или, может быть, старого, но забытого, спрятанного под маской так давно, что я перестала помнить, как оно выглядит. Я думала, что после «Тишины льдов» я стала цельной, что построила свои шесть опор, что научилась стоять под ветром и не падать. Но устойчивость — это качество камня, а я — не камень. Я — живая. И живое не может быть только устойчивым. Живое — это ещё и текучее, изменчивое, играющее. Живое — это карнавал. И я приехала в Венецию, чтобы это вспомнить.

Венеция — это город-маска. Она надевает на себя образ величественной красавицы, умирающей в объятиях моря, и туристы со всего мира приезжают, чтобы увидеть её последний вздох, запечатлеть его на камеру и увезти с собой как сувенир. Но под этим образом скрывается

другая Венеция — город живых, город ремесленников, город тех, кто каждое утро открывает ставни своих мастерских и продолжает делать то, что делали их отцы и деды. Я хотела увидеть эту Венецию. Не ту, что на открытках, а ту, что под маской. Потому что я чувствовала, что если я пойму, как устроен этот город, я пойму что-то важное о себе. Может быть, самое важное.

Карнавал в Венеции — это не просто праздник, это ритуал. Люди надевают маски не для того, чтобы скрыться, а для того, чтобы наконец стать собой. Парадокс, который я не могла понять умом, но чувствовала всем телом: чужая личина помогает разглядеть то, что ты прячешь от себя самой. В обычной жизни я ношу маску «сильной женщины», «профессионала», «дочери», «подруги» — и я так привыкла к этим маскам, что перестала замечать, что они не мои. Они были сшиты для меня другими — родителями, обществом, ожиданиями, — и я носила их так долго, что они стали моей кожей. А карнавал — это легальный способ снять кожу и посмотреть, что под ней.

Я вспомнила слова Карла Густава Юнга, которые выписала в свой дневник ещё в первой книге: «Персона — это компромисс между индивидом и обществом». Юнг говорил, что Персона — это не болезнь и не порок, а необходимость, маска, которую мы носим, чтобы соответствовать требованиям социальной среды. Опасность не в самой маске, а в том, что мы начинаем отождествлять себя с ней. Мы забываем, что это только роль, и начинаем верить, что мы и есть эта роль. Я носила свою Персону так долго, что перестала понимать, где заканчивается маска и начинаюсь я. И теперь, в Венеции, среди чужих масок, которые смотрели на меня со стен и из витрин, я впервые за много лет задала себе вопрос: а кто я без этой маски?

Ответа у меня не было. Есть только пустота, которая пугает и одновременно манит, как дверь, за которой может быть всё что угодно: и новая жизнь, и старая боль, и то самое лицо, которое я так долго прятала. Я не знала, что найду в Венеции. Может быть, ничего. Может быть, всё. Может быть, то, что я ищу, окажется совсем не тем, что я ожидала. Но я знала одно: я больше не могу жить в маске, которую не выбирала. Я хочу если не снять её, то хотя бы увидеть. Понять, из чего она сделана. Увидеть швы. Найти трещины. Может быть, через эти трещины я смогу разглядеть своё настоящее лицо.

Эта глава — о масках. О тех, что висят в витринах Венеции, и о тех, что мы носим каждый день. О том, как они создаются — слой за слоем, из папье-маше, из ожиданий, из страхов, из чужих голосов. О том, как они защищают нас — и как они нас изолируют. О том, как трудно их снять — и как страшно под ними оказаться. Я буду писать о своём опыте, но я знаю, что этот опыт не уникален. Мы все носим маски. Мы все боимся их снять. Мы все задаём себе вопрос: а что, если под маской ничего нет? И я хочу исследовать этот вопрос не в теории, а на практике. Не в кабинете психолога, а в мастерской венецианского ремесленника. Не в книге, а в жизни.

Я нашла мастерскую «Mascaregi» случайно, свернув не туда, куда вела меня карта в телефоне, — и это было первое правильное решение за долгое время, потому что случайность иногда честнее плана, как разворот в тумане честнее упрямого движения вперёд. Мастерская ютилась в переулке, где не было ни туристов, ни магазинов с сувенирами, ни запаха жареной рыбы из ресторанов с завышенными ценами, — только потрескавшаяся штукатурка, тёмные окна и дверь, которая выглядела так, будто её не открывали десятилетиями. Я толкнула дверь и вошла. И с этого момента началось моё путешествие вглубь себя — не через ландшафты и стихии, как в Исландии, а через маски и лица, через слои и трещины, через то, что я ношу на себе и что прячу под этим.

Маска, которая выбрала меня

Я толкнула дверь мастерской и вошла внутрь, и первое, что меня поразило, — это запах, который не был похож ни на что, что я чувствовала раньше: не сырость, не плесень, не запустение, а сложный, тёплый, живой аромат клея, краски, дерева и чего-то ещё, неуловимого, что я не могла назвать, но что напоминало детство и бабушкин чердак, где среди старых вещей я когда-то нашла свою первую маску. Пахло так, будто здесь не просто делают маски, а создают что-то живое, что-то, что дышит, ждёт, смотрит, и от этого запаха у меня закружилась голова, будто я вошла не в мастерскую, а в чей-то сон, в чью-то память, в чью-то жизнь, которая была не моей, но которая почему-то казалась знакомой. Я остановилась на пороге, не решаясь сделать следующий шаг, потому что вдруг поняла, что это не просто мастерская — это место, где сбываются и разбиваются надежды, где люди приходят, чтобы найти себя, и уходят, не найдя, потому что искали не там, где надо было искать. Стены были увешаны масками — белыми, чёрными, золотыми, с перьями, с кружевами, с длинными носами и пустыми глазницами, — и они смотрели на меня со всех сторон, и в этом взгляде не было ни осуждения, ни насмешки, ни равнодушия, а было только молчаливое ожидание, будто каждая из них знала, что рано или поздно я приду именно сюда и именно к ней.

Хозяин мастерской сидел за столом у окна и не поднял головы, когда я вошла, и это молчание было не враждебным, а каким-то естественным, будто он делал это каждый день и уже привык к тому, что люди приходят и стоят в дверях, не зная, что сказать. Это был пожилой мужчина с седыми волосами, стянутыми в хвост, и руками, которые я заметила сразу, — руки были покрыты шрамами от ножей и кистей, руки, которые знали труд, руки, которые не лгали, руки, которые делали то, что делали, уже много лет и не собирались останавливаться. Он что-то клеил, наносил слой за слоем на форму, и движения его были медленными, точными, выверенными, как у хирурга или как у человека, который делает это уже пятьдесят лет и не может делать иначе, потому что это стало частью его самого. Я стояла в дверях, не зная, что сказать, не зная, как объяснить, зачем я здесь, не зная, поймёт ли он меня вообще и нужно ли ему моё объяснение, но он не спрашивал, не смотрел на меня, не делал ничего, что могло бы меня смутить или заставить чувствовать себя лишней.

Прошла минута, может быть, две, может быть, больше — время в этой мастерской текло иначе, медленнее, гуще, как вода в каналах Венеции, которая не спешит никуда, потому что знает, что никуда не денется, и в этом замедлении было что-то, что успокаивало меня сильнее любых слов. Я стояла и смотрела, как он работает, и постепенно напряжение, которое я принесла с собой — из аэропорта, из самолёта, из своей прежней жизни, из всех тех дней, когда я не могла найти себе места, — начало отпускать, будто кто-то невидимый разжимал мои плечи, расслаблял челюсть, выравнивал дыхание. Я не знала, почему я здесь, не знала, что я ищу, не знала, что будет дальше, но впервые за долгое время это незнание не пугало, а было просто фактом, как погода, как время суток, как то, что я стою в дверях венецианской мастерской и смотрю на человека, который делает маски. И, может быть, именно это было началом чего-то важного — не знание, а отсутствие необходимости знать, не уверенность, а способность быть в неуверенности, не ответ, а способность жить с вопросом.

Наконец он отложил кисть, вытер руки о тряпку и поднял голову, и я увидела его глаза — тёмные, глубокие, спокойные, которые смотрели на меня без удивления, будто он ждал меня, будто знал, что я приду, будто видел таких, как я, сотни раз и знал, что будет дальше, и от этого знания мне стало не по себе и одновременно легче. Он не улыбнулся, не нахмурился, не сделал

ни одного движения, которое можно было бы истолковать как приглашение или отказ, — он просто посмотрел на меня, и в этом взгляде было столько спокойствия, что я почувствовала, как мои плечи, которые я держала напряжёнными с самого утра, вдруг опустились, а дыхание стало глубже. Он указал рукой на маски, висящие на стенах, — на их разнообразие, на их характеры, на их истории, на их молчаливое присутствие, — и сказал одно слово, которое я поняла без перевода, потому что оно было не словом, а приглашением, не приказом, а разрешением: «Scegli». Выбирай. Я посмотрела на стены, на десятки лиц, смотрящих на меня, и почувствовала, как что-то внутри меня сжалось и одновременно расслабилось, будто я ждала этого слова всю жизнь.

Я встала и медленно пошла вдоль стен, вглядываясь в каждую маску, и с каждым шагом мне казалось, что я иду не вдоль стены, а вдоль своей собственной жизни, вдоль своих собственных ролей, вдоль своих собственных лиц, которые я надевала и снимала, не замечая, как они меняют меня. Их было много — десятки, может быть, сотни, — и каждая была уникальной, каждая имела свой характер, своё выражение, свою историю, каждая была чьей-то судьбой, чьим-то выбором, чьим-то отражением, и я чувствовала, что не могу выбрать, не могу просто взять и остановиться, потому что каждая маска что-то во мне отзывалась. Были маски весёлые, с широкими улыбками и яркими красками, которые обещали радость, но радость эта была поверхностной, как лак на дереве, и я знала, что под ней скрывается что-то другое. Были маски печальные, с опущенными уголками губ и тусклыми оттенками, которые говорили о боли, но боль эта была красивой, почти приятной, и я понимала, что это не моя боль, а чужая, которую я могла бы примерить, но не смогла бы носить долго.

Были маски загадочные, с полуприкрытыми глазами и лёгкой усмешкой, которые обещали тайну, но тайна эта была пустой, как комната, из которой вынесли всю мебель, и я знала, что за этой усмешкой нет ничего, кроме желания казаться сложной. Были маски страшные, с оскаленными зубами и пустыми глазницами, которые говорили об ужасе, но ужас этот был театральным, ненастоящим, и я знала, что он не про меня, что он для тех, кто любит пугать себя и других. И среди всего этого разнообразия, среди этого карнавала лиц и характеров, я искала свою маску, ту, которая отзовётся, ту, которая скажет: «Это я», ту, которую я узнаю, даже если никогда её не видела. И я не находила. Всё было красивым, всё было правильным, всё было чужим.

Я остановилась перед маской, которая висела в самом углу, в тени, почти незаметная среди других, и не потому, что она была красивой или особенной, а потому, что она была странной — странной настолько, что я не могла пройти мимо. Она не была ни весёлой, ни печальной, ни загадочной, ни страшной — она была просто странной, и в этой странности было что-то, что заставляло меня смотреть на неё дольше, чем на остальные, что-то, что не давало мне отвести взгляд, что-то, что говорило: «Это я. Посмотри на меня». У неё был длинный нос, как у Пульчинеллы, но не комичный, а печальный, будто этот нос вырос не от глупости, а от боли, будто он был не признаком шута, а признаком того, кто слишком долго молчал и чьё лицо вытянулось от несказанных слов. Глаза были прикрыты, но не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы запомнить, будто они видели слишком много и теперь хранили это внутри, не желая делиться ни с кем. Губы были плотно сжаты, но не от злости, а от того, что слишком много слов осталось несказанными, и эти губы говорили громче любых криков.

Я смотрела на неё, и она смотрела на меня — не глазами, потому что глаз не было, а всем своим существом, всей своей формой, всей своей историей, всем своим молчанием, — и я чувствовала, как что-то внутри меня отзывается, как что-то внутри меня узнаёт, как что-

то внутри меня говорит: «Да, это я, это та, которую ты искала, это та, которую ты прятала». Я не знала её историю, не знала, кто её создал, не знала, сколько лет она висит здесь, в этом углу, в тени, незаметная, но я знала, что она моя. Не потому, что я её выбрала, а потому, что она выбрала меня. Не потому, что она красивая, а потому, что она настоящая. Не потому, что она правильная, а потому, что она честная. И в этом выборе, в этом узнавании, в этой встрече было что-то, чего я не испытывала никогда раньше.

Я сняла её со стены и поднесла к лицу, и она была лёгкой, почти невесомой, но когда я надела её, я почувствовала тяжесть — не физическую, а другую, более глубокую, более древнюю, будто вместе с этой маской я надела на себя чью-то жизнь, чью-то боль, чью-то историю, которая была не моей, но которая почему-то отзывалась во мне. Я посмотрела в маленькое зеркало, которое висело на стене, и не узнала себя, и в этом не узнавании было что-то, что одновременно пугало и притягивало, будто я встретила человека, которого знала всю жизнь, но никогда не видела. Или, наоборот, узнала — впервые за много лет, впервые за все те годы, когда я носила маски, которые не выбирала, впервые за все те дни, когда я говорила слова, которые не были моими, впервые за все те минуты, когда я делала вид, что всё хорошо. Из зеркала на меня смотрело лицо, которое я никогда не видела, но которое всегда было моим, — лицо, которое молчало, потому что боялось сказать главное, лицо, которое пряталось за другими масками, потому что не верило, что его примут, лицо, которое ждало, когда я наконец вспомню о нём, лицо, которое было моим настоящим лицом.

Я стояла перед зеркалом, в маске, которая выбрала меня, и не снимала её, потому что не хотела снимать, потому что впервые за долгое время я не хотела прятаться от того, что вижу, потому что я хотела смотреть, хотела запомнить это лицо — не потому, что оно красивое, не потому, что оно правильное, не потому, что оно удобное, а потому, что оно моё. Настоящее. То, которое я так долго искала в ледниках и на бездорожье, в гейзерах и в Голубой лагуне, в тишине и в шторме, в палатке и в машине, в аэропорту и в самолёте. Я искала его везде, но не думала, что найду здесь — в мастерской венецианского ремесленника, среди сотен чужих масок, в отражении маленького зеркала, которое висело на стене, наверное, сто лет, видело сотни лиц и не запомнило ни одного. Я смотрела на себя в этом зеркале и чувствовала, как что-то внутри меня — что-то, что я так долго искала, — наконец нашло меня само.

Мастер подошёл сзади и посмотрел на моё отражение, и он не сказал ни слова, но я увидела в его глазах то, что видела в глазах базальтовых колонн в Исландии, — спокойное, равнодушное, но не враждебное знание, знание того, что камень стоит, потому что стоит, а не потому, что кто-то просит его стоять. Он знал, что я найду эту маску, — может быть, он знал это с самого начала, когда я только вошла в мастерскую, может быть, он знал это даже раньше, когда я только собиралась в Венецию, когда я только покупала билет, когда я только думала о том, чтобы снять свою первую маску. Он не говорил мне, какую маску выбрать, он просто позволил мне выбрать, и в этом позволении было больше мудрости, чем во всех книгах по психологии, которые я прочитала за последние годы, потому что книги говорили мне, что делать, а он просто дал мне пространство, в котором я могла сделать это сама.

Я сняла маску и положила её на стол рядом с заготовками, и мастер снова сел за работу, будто ничего не произошло, будто я не стояла только что перед зеркалом, будто не нашла то, что искала всю жизнь, будто это было обычное утро в обычной мастерской, где обычные люди делают обычные маски и не думают о том, что маска — это не просто кусок папье-маше, а отражение души. Он просто продолжал делать то, что делал, — наносил слой за слоем на форму, создавал новую маску, которая, может быть, тоже кого-то найдёт, которая, может быть,

тоже станет чьим-то отражением, которая, может быть, тоже заставит кого-то остановиться и посмотреть в зеркало. А я стояла рядом и смотрела на свою маску, которая лежала на столе, и думала о том, что теперь я не одна, что у меня есть она, что эта маска — не просто вещь, а что-то большее, что-то, что я пока не могу назвать, но что чувствую всем телом.

Я села обратно за стол и взяла в руки маску, и я не надевала её — просто держала, просто чувствовала её в своих ладонях, просто позволяла ей лежать там, где ей было место. Она была тёплой от моих рук, будто живой, будто в ней билось сердце, будто она дышала тем же воздухом, что и я, и от этого тепла мне становилось спокойнее, будто я держала не маску, а чью-то руку, не свою, но дружескую. Я провела пальцем по длинному носу, по прикрытым глазам, по плотно сжатым губам, и я чувствовала каждую трещинку, каждую неровность, каждый слой папье-маше, который накладывал мастер, когда создавал её, — может быть, год назад, может быть, десять лет назад, может быть, сто, — и каждый из этих слоёв был чьей-то историей, чьей-то болью, чьим-то молчанием. Я не знала её историю, но я знала, что теперь она — часть моей, и это меняло всё, потому что я держала в руках не просто маску, а свою Персону — ту социальную роль, которую я играла всю жизнь, не выбирая её, не осознавая её, не понимая, что она не моя.

Я думала о том, что эта маска — не просто вещь, не просто аксессуар, не просто карнавальный атрибут, которым можно похвастаться перед друзьями и повесить на стену как сувенир, — это метафора, это образ того, как я жила последние годы, как я жила всю свою жизнь, не замечая, что живу не свою. Я носила маску, которую кто-то другой выбрал за меня, — маму, папу, учителей, общество, ожидания, страх, — и я играла роль, которую кто-то другой написал для меня, и я говорила слова, которые кто-то другой вложил в мои уста, и я делала это так долго, что забыла, что под маской есть лицо. Я забыла, что я — не только роль, не только дочь, не только профессионал, не только сильная женщина, которая всегда справляется, не только та, кто не жалуется, не плачет, не просит помощи. Я забыла, что я — это я, и теперь, держа в руках эту маску, я начинала вспоминать, медленно, болезненно, но вспоминать, и это воспоминание было похоже на пробуждение после долгого сна, когда не сразу понимаешь, где ты и что с тобой.

Я смотрела на маску и думала о том, почему я выбрала именно её, почему из сотен масок — весёлых, печальных, загадочных, страшных — я остановилась именно на этой, странной, с длинным носом и прикрытыми глазами, почему моя рука потянулась именно к ней, а не к другой, почему моё тело знало что-то, чего не знал мой разум. Что она говорила обо мне? Что я прятала за этим выбором? Что я не хотела видеть в себе? Ответа не было, но было чувство, что этот выбор не случаен, что он — проекция, что он — зеркало, в котором отражается то, что я так долго скрывала от себя. И от этого чувства мне становилось не по себе и одновременно легче, будто я наконец нашла ключ, который искала много лет, но не знала, что он у меня в кармане.

Длинный нос — это не просто деталь, не просто особенность формы, не просто элемент венецианской традиции, — это символ, это знак того, что я чувствовала себя не такой, как все, слишком длинной, слишком заметной, слишком неудобной, слишком не вписывающейся в рамки, которые были для меня приготовлены. Я вспомнила, как в детстве мне говорили: «Не высовывайся», «Будь как все», «Не привлекай внимания», и я старалась, я очень старалась, я прятала свой длинный нос, прятала свою непохожесть, прятала себя, и я делала это так хорошо, что сама поверила, что меня нет, что есть только роль, которую я играю. И этот нос на маске был не уродством, а признанием, признанием того, что я всегда знала, что я другая, но боялась

это показать, боялась, что меня отвергнут, боялась, что меня не примут, боялась, что меня не любят.

Прикрытые глаза — это тоже символ, это знак того, что я боялась смотреть, боялась видеть то, что происходит вокруг, боялась видеть то, что происходит внутри, боялась смотреть в зеркало и встречаться с собой. Я закрывала глаза на многое — на боль, на несправедливость, на собственную усталость, на собственные желания, на собственные мечты, — и я говорила себе: «Всё хорошо», «Я справлюсь», «Это не так страшно», «Это пройдёт», и я закрывала глаза, и я жила с закрытыми глазами, не замечая, что жизнь проходит мимо. Но маска, которую я выбрала, говорила другое, она говорила: «Ты не слепая, ты просто не хочешь видеть, ты просто боишься того, что можешь увидеть», и это было правдой, горькой, но правдой, и я слышала эту правду впервые за много лет.

Плотно сжатые губы — это третий символ, это знак того, что я молчала, молчала, когда хотела закричать, молчала, когда хотела заплакать, молчала, когда хотела сказать «нет», молчала, когда хотела сказать «помогите», молчала, когда хотела сказать «я устала», молчала, когда хотела сказать «я боюсь», молчала, когда хотела сказать «я хочу». Я молчала так долго, что разучилась говорить, разучилась просить, разучилась плакать, разучилась быть слабой, и эта маска, с её плотно сжатыми губами, говорила: «Ты можешь говорить, ты имеешь право, ты не обязана молчать, твои слова важны, твой голос нужен», и я слышала это, слышала впервые за много лет, слышала так ясно, будто кто-то наконец включил свет в тёмной комнате.

Я держала маску в руках и понимала, что она — это я, не та я, которой я хотела быть, не та я, которой я притворялась, не та я, которую я показывала миру, а та я, которой я боялась, та, которая пряталась, та, которая молчала, та, которая закрывала глаза, та, которая думала, что её длинный нос — это уродство, а не особенность, та, которая считала себя недостаточно хорошей, недостаточно красивой, недостаточно умной, недостаточно всего. Эта маска была моей Персоной, тем лицом, которое я показывала миру, чтобы он не увидел, что под ним, и теперь, держа её в руках, я впервые за много лет видела её ясно, видела, из чего она сделана, видела, зачем она была нужна, видела, что пришло время что-то менять, потому что носить её дальше было невозможно, потому что она стала слишком тяжёлой, потому что я устала.

Юнг говорил, что Персона — это компромисс между индивидом и обществом, это маска, которую мы носим, чтобы соответствовать требованиям социальной среды, чтобы нас приняли, чтобы нас не отвергли, чтобы мы могли выжить среди других. Но он также говорил, что опасность не в самой маске, а в том, что мы начинаем отождествлять себя с ней, мы забываем, что это только роль, и начинаем верить, что мы и есть эта роль, и тогда маска становится тюрьмой, а не защитой. Я носила свою Персону так долго, что перестала понимать, где заканчивается маска и начинаюсь я, где роль и где правда, где то, что я выбрала, и то, что мне навязали, и теперь, держа её в руках, я начинала понимать, что маска — это не я, маска — это то, что я выбрала, то, что я могу снять, то, что я могу изменить, и это знание было освобождающим, это знание было началом.

Я смотрела на маску в своих руках и чувствовала, как что-то внутри меня меняется, как что-то отпускает, как что-то расслабляется, как что-то просыпается, и я больше не хотела прятаться, больше не хотела молчать, больше не хотела закрывать глаза, я хотела говорить, хотела смотреть, хотела быть, быть той, кем я являюсь, даже если это неудобно, даже если это страшно, даже если никто не поймёт, даже если придётся начинать всё сначала. Я хотела быть настоящей, и эта маска, которую я выбрала, была первым шагом к этому, первым шагом к

себе, первым шагом на пути, который я так долго боялась начать, но который теперь казался не таким страшным, потому что я уже сделала первый шаг, потому что я уже выбрала.

Я положила маску на стол и посмотрела на мастера, и он смотрел на меня, и в его глазах не было ни одобрения, ни осуждения, ни похвалы, ни критики, — только спокойное, глубокое понимание, будто он видел всё это сотни раз и давно перестал удивляться тому, что люди приходят в его мастерскую и находят в ней то, чего не могли найти ни в книгах, ни в разговорах, ни в собственных мыслях. Он не сказал ни слова, не улыбнулся, не кивнул, не сделал ни одного движения, которое можно было бы истолковать как оценку или совет, — он просто продолжал работать, будто ничего не произошло, будто я не стояла только что перед зеркалом, будто не нашла то, что искала всю жизнь, будто это было обычное утро в обычной мастерской. И в этом молчании было больше поддержки, чем в любых словах, потому что словами такое не передаётся, словами такое можно только испортить, а он это знал лучше меня. Я сидела и смотрела на его руки, на его работу, на его спокойствие, и постепенно во мне тоже становилось спокойнее, будто его молчание передавалось мне, будто я училась у него тому, чему нельзя научить словами.

Я сидела в мастерской, держа в руках свою маску, и не хотела уходить, потому что здесь, среди масок, среди запаха клея и краски, среди молчаливого присутствия мастера, я чувствовала себя в безопасности — не той безопасности, которую дают стены и замки, не той, которую даёт запертая дверь, а другой, более глубокой, той, которую даёт понимание того, что ты не одна в этом мире, даже если физически ты одна. Есть кто-то, кто знает, что ты ищешь, даже если ты сама этого не знаешь, есть место, где тебя ждут, даже если ты не подозревала, что ищешь именно это место, есть момент, когда ты понимаешь, что всё, что было раньше, вело тебя сюда. Это только начало, но начало уже положено, и отступать поздно, да и не хочется, потому что то, что я нашла здесь, в этом углу, в этой тени, в этой маске, — это не просто сувенир, не просто воспоминание, а часть меня, которую я больше не хочу терять.

Я смотрела на маску, которая лежала на столе, и думала о том, что теперь я не одна, что у меня есть она — не вещь, не сувенир, не карнавальный атрибут, который можно повесить на стену и забыть, а обещание, которое я дала себе, когда сняла её со стены и надела на лицо. Обещание не прятаться, обещание не бояться, обещание быть той, кем я являюсь, даже если это неудобно, даже если это страшно, даже если никто не поймёт, даже если придётся идти против всех. Внутри меня что-то росло, что-то, чего я давно не чувствовала, что-то похожее на надежду, на веру в себя, на любовь к себе, — незнакомое и одновременно знакомое, будто я встретила старого друга, которого не видела много лет и о котором забыла, что он существует. И это чувство было сильнее страха, сильнее сомнений, сильнее всего того, что удерживало меня на месте все эти годы.

Дальше будет труднее, и я это понимаю. Придётся не только выбрать маску, но и научиться её носить, не только найти её, но и понять, что она значит, не только смотреть в зеркало, но и не отводить взгляд, не только признать, что под маской есть лицо, но и показать это лицо миру. Будут дни, когда захочется всё бросить, когда сомнения заглушат всё остальное, когда покажется, что маска — это просто маска и ничего не изменится, и в такие дни мне придётся вспоминать этот момент, эту мастерскую, этого мастера, эту тишину, которая говорила громче слов. Но стоять на месте больше нельзя, прятаться больше нельзя, молчать больше нельзя, потому что я уже сделала первый шаг, а первый шаг — самый трудный, и он уже позади. Этот выбор маски — начало пути к себе, и пути назад нет, да и не нужно, потому что там, впереди, что-то ждёт меня, что-то, чего я ещё не знаю, но что уже чувствую.

Техника папье-маше: слои личности

Я положила выбранную маску на стол рядом с собой — ту самую, с длинным носом и прикрытыми глазами, — и взяла в руки чистую заготовку, которая лежала передо мной всё это время, но которую я до сих пор не замечала. Она была серой, бесформенной, пустой, и в этой пустоте не было ничего — ни характера, ни выражения, ни истории, ни того молчаливого ожидания, которое я чувствовала в готовых масках, висящих на стенах. Рядом лежала готовая маска, гладкая, ровная, законченная, — её создал кто-то другой, вложил в неё своё понимание, свой опыт, своё видение, и теперь она была красивой, правильной, но чужой. А заготовка была пустой, серой, бесформенной, и в этой пустоте было что-то, чего не было в готовой маске, — возможность, свобода, будущее, которое ещё не наступило, но которое уже ждало своего часа.

Я держала заготовку в руках и чувствовала, как что-то внутри меня сжалось и одновременно расслабилось, будто я наконец оказалась там, где должна была быть, хотя сама не знала, что ищу именно это. Заготовка была лёгкой, почти невесомой, но в руках она ощущалась как нечто большее, как потенциальная возможность, как форма, которой ещё предстояло наполниться содержанием, смыслом, жизнью. Я не знала, какую маску я хочу сделать, не знала, с чего начать, не знала, что должен сделать мастер, чтобы помочь мне, — но я знала, что держу в руках нечто важное, может быть, самое важное, что я держала за последние годы, может быть, своё будущее лицо.

Мастер подошёл ко мне и наклонился над столом, и я почувствовала запах его рук — клей, краска, дерево, что-то ещё, неуловимое, что я не могла назвать, но что напоминало детство. Он взял мою руку с кистью, обмакнул её в клей и показал, как нужно наносить первый слой — не размазывая, не прижимая, а легко, почти невесомо, будто ты не создаёшь форму, а разговариваешь с ней, будто ты не лепишь маску, а просишь её появиться. Он не говорил ни слова, но его руки объясняли больше, чем любые слова: вот так, вот здесь, вот с таким усилием, вот с таким терпением. Я смотрела на его пальцы, на его движения, на то, как он чувствует материал, и понимала, что он делает это не первый год, не первую сотню лет — он делает это всю жизнь, и в его руках папье-маше перестаёт быть просто бумагой и клеем, становится чем-то живым, чем-то, что дышит и ждёт.

Он отпустил мою руку и вернулся за свой стол, и я осталась одна со своей заготовкой, со своей кистью, со своим первым слоем. Я посмотрела на чистую форму, на серую поверхность, на пустоту, которая ждала, чтобы её заполнили, и почувствовала, как что-то внутри меня дрогнуло — не страх, не сомнение, а что-то похожее на ответственность. Я поняла, что сейчас, в этот момент, я не просто наношу клей на бумагу, я создаю что-то, что будет жить, что будет смотреть на мир, что будет говорить с людьми, что будет отражать меня. И от этого понимания моя рука стала тяжелее, а дыхание — глубже.

Первый слой — самый важный, это я поняла сразу, хотя никто мне этого не говорил. Он ложится на голую форму, на пустоту, на ничто, и от того, как ты его положишь, зависит всё остальное. Если поспешишь — будут складки, пузыри, неровности, которые потом придётся замазывать, скрывать, прятать под следующими слоями. Если сделаешь слишком тонко — форма не будет держать, маска будет хрупкой, рассыплется от первого прикосновения. Если сделаешь слишком толсто — перегрузишь, потеряешь гибкость, маска станет тяжёлой, неудобной, чужой. Я наносила первый слой медленно, почти торжественно, чувствуя, как бумага

ложится на форму, как клей проникает в волокна, как рождается что-то новое — то, чего не было минуту назад.

Я думала о своём первом слое — о детстве, о том, каким оно было, о том, что я помню и что забыла. Я помню, как мама говорила мне: «Будь хорошей девочкой», и я старалась, я очень старалась быть хорошей, потому что если я не буду хорошей, то меня не будут любить. Я помню, как папа уходил из дома и не возвращался неделями, и я думала, что это из-за меня, что если бы я была лучше, он бы остался. Я помню, как в школе мне говорили: «Ты должна быть лучшей», и я была лучшей, но это не помогало, потому что всегда находился кто-то лучше меня, и я чувствовала себя ничтожной. Это был мой первый слой — слой «будь хорошей», слой «ты недостаточно», слой «ты должна». Он лёг на меня так рано, что я не успела заметить, как он стал частью меня, как он перестал быть чем-то внешним и стал моей кожей, моим дыханием, моим способом быть в мире.

Я наносила второй слой, и мои движения стали увереннее — не потому, что я научилась, а потому, что я вспомнила. Второй слой — это всегда дополнение, уточнение, реакция. Второй слой моей личности — это школа, это подростковый возраст, это первые разочарования и первые победы. Я помню, как впервые влюбилась и как впервые была отвергнута, и как решила, что больше никогда не позволю себе быть уязвимой. Я помню, как получила первую пятёрку за контрольную и как потом всю ночь не спала, боясь, что следующая будет четвёркой. Я помню, как научилась улыбаться, когда хотелось плакать, как научилась говорить «всё хорошо», когда внутри всё кричало от боли. Это был мой второй слой — слой «держись», слой «не показывай слабость», слой «ты справишься сама». Он лёг поверх первого, укрепил его, сделал ещё более прочным, ещё более незаметным, ещё более моим.

Я наносила третий слой, и мои руки двигались уже почти автоматически, будто делали это всю жизнь. Третий слой — это выбор, это решение, это то, что делается сознательно. Третий слой моей личности — это моя профессия, моя карьера, моя социальная роль. Я выбрала её сама — или думала, что выбрала, — и с тех пор она стала частью меня, частью моей идентичности, частью того, что я называю «я». Но была ли это действительно я? Или это был слой, который я нанесла, потому что так было надо, потому что так было правильно, потому что так делали все? Я не знала ответа. Но я знала, что этот слой — один из многих, и что под ним есть другие, более глубокие, более настоящие, более мои.

Я наносила четвёртый слой, и я видела, как на поверхности маски появляются неровности, как бумага ложится не совсем ровно, как что-то идёт не по плану. Четвёртый слой — это потери, это шрамы, это то, что оставляет следы. Я не пыталась исправить, не пыталась разглядеть, не пыталась сделать вид, что всё идеально. Я просто продолжала, принимая эти неровности как часть формы, как часть истории, как часть того, что делает маску уникальной. Я подумала о своих потерях — о смерти бабушки, о предательстве подруги, о разводе родителей, о том, что я так и не смогла простить, о том, что я так и не смогла отпустить. Эти потери оставили следы на моей маске, и я так долго пыталась их скрыть, замазать, заштукатурить, что забыла, что они — часть меня. Без них я была бы другой. Может быть, более гладкой, но менее настоящей.

Я наносила пятый слой, и мои движения стали мягче, теплее, будто сам материал просил, чтобы его наносили с любовью. Пятый слой — это любовь, это связи, это люди, которые оставили след в моём сердце. Я думала о тех, кто был рядом — о маме, которая всегда ждала меня, о бабушке, которая учила меня печь пироги, о друзьях, которые поддерживали меня в

трудные минуты, о мужчинах, которых я любила и которые любили меня. Этот слой был тёплым, мягким, живым, и он ложился на маску легко, будто сам просил, чтобы его нанесли. Я поняла, что не всё в моей жизни было болью и страхом. Было и хорошее. Было и светлое. Было и то, за что я благодарна. И этот слой — такой же важный, как и все остальные. Может быть, даже важнее, потому что он даёт силы продолжать, когда всё остальное рушится.

Я наносила шестой слой, и маска становилась почти законченной, почти готовой, почти живой. Шестой слой — это мечты, это надежды, это то, что ещё не случилось, но может случиться. Я думала о своих мечтах — о путешествиях, которые я ещё не совершила, о книгах, которые я ещё не написала, о людях, которых я ещё не встретила, о себе, которой я ещё не стала. Этот слой был лёгким, почти невесомым, потому что мечты не имеют веса, они не давят, они не требуют, они просто ждут. И я поняла, что маска без этого слоя была бы слишком тяжёлой, слишком серьёзной, слишком окончательной. Шестой слой — это надежда. Это то, что делает жизнь возможной.

Я наносила слой за слоем, и с каждым слоем маска становилась всё более плотной, всё более осязаемой, всё более реальной. И вместе с ней становилась реальной я. Я видела, как из бесформенной массы рождается что-то новое — что-то, что имеет форму, имеет характер, имеет историю. Я не знала, что получится в конце. Я не знала, будет ли это красиво. Я не знала, понравится ли мне результат. Но я знала, что это моё. Каждый слой — это часть меня. Каждая неровность — это моя история. Каждая трещина — это мой опыт. Я создавала не маску. Я создавала себя. Слой за слоем. День за днём. Жизнь за жизнью.

Мастер подошёл ко мне и посмотрел на мою работу. Он не сказал ни слова, но я видела в его глазах что-то, чего не видела раньше. Не одобрение. Не осуждение. А что-то другое — что-то похожее на уважение. Он видел не просто маску. Он видел процесс. Он видел, как я наносила слои, как я ошибалась, как я исправляла, как я продолжала. Он видел, как я создаю себя. И это было важнее любого результата. Это было важнее любой похвалы. Это было важнее всего.

Я отложила кисть и посмотрела на свои руки. Они были в клее, в краске, в бумаге. Они были грязными, уставшими, но они были живыми. Я никогда не думала, что мои руки могут создавать что-то подобное. Я никогда не думала, что я способна на это. Я всегда считала себя человеком, который умеет думать, анализировать, планировать. Но я никогда не считала себя человеком, который умеет создавать. И теперь, глядя на свои руки, на свою маску, на свою работу, я понимала, что ошибалась. Я умею создавать. Я умею лепить. Я умею творить. Просто я никогда себе этого не позволяла. Просто я всегда считала, что это не для меня. Просто я боялась.

Я посмотрела на две маски, которые лежали передо мной. Одна — готовая, гладкая, правильная, чужая. Другая — моя, неровная, шершавая, с трещинами и сколами. И я поняла, что разница между ними — это разница между жизнью, которую я жила, и жизнью, которую я хочу жить. Разница между ролью и сутью. Разница между маской и лицом. Разница между Персоной и мной. Я выбрала себя. Не потому, что это было легче. Не потому, что это было правильнее. А потому, что это было моё. И этого достаточно. Этого всегда достаточно.

Я смотрела на свою маску и видела в ней все слои, которые я нанесла. Я видела детство, которое сформировало меня. Я видела школу, которая научила меня прятаться. Я видела профессию, которая дала мне силу и отняла свободу. Я видела потери, которые оставили шрамы. Я видела любовь, которая дала мне тепло. Я видела мечты, которые дали мне надежду. И все

эти слои были видны, все эти слои были осязаемы, все эти слои были частью меня. Я не хотела их прятать. Я не хотела их разглаживать. Я хотела, чтобы они были видны. Потому что они — это я. Настоящая. Живая. Сложная.

Я поднесла маску к лицу и надела её. Она была ещё влажной, ещё тёплой от моих рук, ещё живой. Я посмотрела в зеркало и увидела существо с длинным носом и прикрытыми глазами, но теперь это существо было другим. Оно было раскрашено моими слоями, моими историями, моей жизнью. Я видела тёмно-синий, серый, чёрный, золотой, прозрачный — все цвета, которые я нанесла, все слои, которые я создала. И я видела трещины, которые я оставила, шрамы, которые я не спрятала, неровности, которые я не разгладила. И в этом сочетании — цвета и трещин, гладкости и шершавости, силы и уязвимости — было что-то, чего я никогда не видела в себе раньше. Что-то настоящее.

Мастер подошёл ко мне и посмотрел на мою работу. Он долго молчал, разглядывая каждый слой, каждый цвет, каждую трещину. Потом он взял маску в руки, повертел её, осмотрел с разных сторон, провёл пальцем по шершавой поверхности. И улыбнулся. Впервые за всё время. Это была не широкая улыбка, не восторженная, не одобрительная, — это была тихая, спокойная, глубокая улыбка человека, который увидел что-то настоящее. Он кивнул и сказал одно слово, которое я поняла без перевода: «Vene». Хорошо. И в этом «хорошо» было больше, чем в любых похвалах, которые я слышала за всю свою жизнь.

Я сняла маску и положила её на стол. Мастер снова сел за работу, будто ничего не произошло, будто я не стояла только что перед зеркалом, будто не нашла то, что искала всю жизнь. Он просто продолжал делать то, что делал, — наносил слой за слоем на форму, создавал новую маску, которая, может быть, тоже кого-то найдёт. А я стояла рядом и смотрела на свою маску, которая лежала на столе, и думала о том, что теперь я не одна. У меня есть она. И, может быть, этого достаточно. На сегодня. На этот момент. На это начало.

Я села обратно за стол и взяла в руки маску. Я не надевала её — просто держала. Она была тёплой от моих рук, будто живой. Я провела пальцем по длинному носу, по прикрытым глазам, по плотно сжатым губам, по трещинам, которые я оставила, по золоту, которое я нанесла. Я чувствовала каждую неровность, каждую шероховатость, каждую часть себя, которую я вложила в эту маску. Я не знала, что будет дальше. Я не знала, как жить с этой маской, как носить её, как снимать, как быть с ней и без неё. Но я знала, что теперь у меня есть она. И это было началом.

Я смотрела на маску и думала о том, что каждый слой, который я нанесла, — это часть моей жизни. Первый слой — детство, которое я не выбирала. Второй слой — юность, которая меня формировала. Третий слой — зрелость, которую я строила сама. Четвёртый слой — потери, которые меня сломали. Пятый слой — любовь, которая меня спасла. Шестой слой — мечты, которые меня ведут. И все эти слои вместе — это я. Не идеальная, не гладкая, не правильная. Но настоящая. Живая. Моя.

Мастер отложил кисть и посмотрел на меня. Он указал на маску в моих руках, потом на дверь, потом на улицу, которая была за дверью. И сказал одно слово, которое я поняла: «Vai». Иди. Он хотел, чтобы я вышла. Не потому, что он устал от меня, не потому, что я должна была уйти, а потому, что пришло время. Время выйти из мастерской. Время выйти на улицу. Время выйти в мир с этой маской. Я посмотрела на него, потом на маску, потом снова на него. И

кивнула. Я была готова. Не потому, что знала, куда иду, не потому, что знала, что будет дальше, — а потому, что создание закончилось. Началось движение.

Я встала, взяла маску и положила её в сумку, но не надела, потому что не сейчас, может быть, никогда, может быть, только на карнавале, среди сотен других масок, где никто не сможет отличить мою от чужой, где я смогу спрятаться за ней, а может быть, наоборот, показать себя. Но даже если я никогда её не надену, даже если она так и останется лежать в сумке, среди билетов, карт и старых чеков, я знала, что она там, что она рядом, что она моя, и этого было достаточно — на сегодня, на этот момент, на это начало, которое уже нельзя отменить.

Я поблагодарила мастера не словами, потому что не знала слов, а взглядом, кивком, тем, что задержалась на секунду дольше, чем нужно, будто хотела запомнить его лицо, его руки, его молчание, его мастерскую. Он кивнул в ответ, и в этом кивке было всё: и прощание, и напутствие, и признание того, что я справилась, и понимание того, что дальше я пойду одна. Я вышла на улицу, и холодный воздух ударил мне в лицо, но я не почувствовала холода, потому что внутри меня было тепло — то самое тепло, которое я научилась находить в Голубой лагуне, но которое теперь было другим, более глубоким, более моим.

Я шла по улицам Венеции, и маска лежала в моей сумке, и я знала, что она там, и от этого знания мне было спокойнее, будто я несла не вещь, а обещание, которое дала себе. Обещание не прятаться, обещание не бояться, обещание быть той, кем я являюсь, даже если это неудобно, даже если это страшно, даже если никто не поймёт. Я шла, и солнце поднималось над Венецией, и вода в каналах светлела, и мир становился ярче, и я улыбалась впервые за долгое время — не потому, что было весело, а потому, что было правильно. Я создала маску. Или маска создала меня. И это было началом пути к себе, пути, который я только начинала.

Итог: маска как зеркало

Я вышла из мастерской на улицу, и Венеция встретила меня так, будто ничего не изменилось: те же каналы, те же мосты, те же туристы с фотоаппаратами, те же гондолы, покачивающиеся на тёмной воде, те же чайки, кричащие над крышами. Но что-то всё же изменилось — не снаружи, а внутри, в том месте, где раньше была пустота, а теперь что-то теплилось, что-то дышало, что-то жило. Я шла по набережной и чувствовала, как маска, лежащая в сумке, касается моего бедра при каждом шаге, и это прикосновение было не тяжёлым, не давящим, а спокойным, будто кто-то держал меня за руку. Я не знала, что будет дальше, не знала, куда приведёт меня этот путь, но я знала, что первый шаг сделан. Маска выбрана. Маска создана. И это было начало.

Я села на каменный парапет у канала, достала маску из сумки и положила её на колени, глядя на неё так, будто видела впервые. Она была неровной, шершавой, с трещинами и сколами, с длинным носом и прикрытыми глазами, с плотно сжатыми губами, с золотыми пятнами, которые я нанесла поверх серого и чёрного, с прозрачными участками, которые я оставила нетронутыми. Она не была красивой в том смысле, в каком красивы маски на витринах, — гладкие, ровные, правильные, отполированные до блеска. Но в ней было что-то другое, что-то, чего не было в тех идеальных масках, что-то, что делало её живой, настоящей, моей. И я поняла, что это и есть главное — не красота, не правильность, не идеальность, а подлинность.

Я думала о том, что сегодня, в этой мастерской, я прошла два пути. Первый — путь выбора: я выбрала готовую маску, надел её, посмотрела в зеркало и увидела то, что прятала

всю жизнь. Второй — путь создания: я взяла чистую заготовку, наносила слои, раскрашивала их, чувствовала, как каждый слой становится частью меня. И если первый путь был путём узнавания, то второй был путём присвоения. Я не просто увидела свою Персону — я сделала её своими руками, из своих слоёв, из своей жизни. И теперь она была не чужой маской, которую я ношу, не ролью, которую я играю, а чем-то, что я создала сама, что я могу изменить, что я могу снять.

Готовая маска и созданная маска — это две разные вещи, и я чувствовала эту разницу всем телом. Готовая была красивой, правильной, но чужой, — её создал кто-то другой, вложил в неё своё понимание, свой опыт, своё видение, и я могла только надеть её и играть роль, которую она предлагала. Созданная была неровной, шершавой, неидеальной, но моей, — я вложила в неё свои слои, свои истории, свою боль, свою любовь, свою надежду, и она была не ролью, а отражением. Готовая маска говорила: «Будь такой, какой тебя хотят видеть». Созданная маска говорила: «Будь такой, какая ты есть». И я выбрала вторую. Не потому, что она была лучше, а потому, что она была настоящей.

Юнг говорил, что Персона — это компромисс между индивидом и обществом, маска, которую мы носим, чтобы соответствовать требованиям социальной среды. Но он также говорил, что опасность не в самой маске, а в том, что мы начинаем отождествлять себя с ней, забываем, что это только роль, и начинаем верить, что мы и есть эта роль. Я носила свою Персону так долго, что перестала понимать, где заканчивается маска и начинаюсь я. И сегодня, в мастерской, я сделала первый шаг к тому, чтобы разделить эти две вещи. Я увидела свою Персону — и я увидела, что она не я. Она — то, что я выбрала. Она — то, что я создала. Она — то, что я могу снять. И в этом различии, в этом разделении, в этом «я — не только маска» и было начало освобождения.

Я вспомнила, как в детстве, когда мне было лет семь или восемь, я нашла на чердаке бабушки старую маску — не венецианскую, а простую, картонную, сделанную кем-то из старших детей для школьного спектакля. Она была грубой, криво раскрашенной, но в ней было что-то, что меня завораживало. Я надевала её и представляла, что я — кто-то другой. Не я, а принцесса. Не я, а разбойница. Не я, а птица. Я могла быть кем угодно, и никто не мог меня узнать. И в этом было такое освобождение, такое счастье, которое я не испытывала потом никогда — до сегодняшнего дня. Я вспомнила это и поняла, что маска, которую я нашла и создала в мастерской, — это не новая маска. Это та самая, детская, только повзрослевшая. Она ждала меня все эти годы. И теперь я наконец её нашла.

Я думала о том, что маска — это не только то, что мы носим, чтобы скрыться. Маска — это ещё и то, что мы создаём, чтобы проявиться. В детстве я надевала маску, чтобы стать кем-то другим, — и в этом «кем-то другим» я находила себя. В мастерской я создала маску, чтобы увидеть себя, — и в этом «увидеть себя» я нашла не только боль, но и красоту. Маска — это зеркало. Она отражает не то, что мы показываем миру, а то, что мы прячем от себя. И если мы готовы смотреть в это зеркало, если мы готовы видеть то, что оно отражает, — тогда маска становится не тюрьмой, а инструментом. Не защитой, а проводником. Не стеной, а дверью.

Я положила маску обратно в сумку и пошла дальше по набережной, и Венеция открывалась мне с новой стороны — не как город-музей, не как декорация для туристов, а как живое существо, которое дышит, страдает, стареет, но не сдаётся. Я смотрела на дома с облупившейся штукатуркой, на мосты, перекинутые через каналы, на людей, которые жили здесь, работали здесь, любили здесь, умирали здесь, — и понимала, что этот город тоже носит маску. Маску

величественной красавицы, умирающей в объятиях моря. Но под этой маской — живая жизнь, которая продолжается, несмотря ни на что. И в этом Венеция была похожа на меня. Я тоже носила маску. Я тоже прятала под ней живую жизнь. И я тоже продолжала, несмотря ни на что.

Я знала, что это только начало. Что впереди — Рио, где я встречу с телом, с танцем, с высвобождением того, что я так долго подавляла. Что впереди — Оахака, где я встречу со смертью, с памятью, с интеграцией того, что я найду. Что впереди — возвращение домой, где мне придётся жить с этой новой маской, носить её, снимать её, смотреть в зеркало и не отводить взгляд. Но я знала и другое: я больше не могу стоять на месте. Я больше не могу прятаться. Я больше не могу молчать. Я должна идти. И этот выбор маски — первый шаг на этом пути. Пути к себе. Пути домой.

Я шла по улицам Венеции, и маска лежала в моей сумке, и я знала, что она там. Она была не просто вещью. Она была обещанием. Обещанием, которое я дала себе. Обещанием не прятаться. Обещанием не бояться. Обещанием быть. Быть той, кем я являюсь. Даже если это неудобно. Даже если это страшно. Даже если никто не поймёт. Я шла, и солнце поднималось над Венецией, и вода в каналах светлела, и мир становился ярче. И я улыбалась. Впервые за долгое время — не потому, что было весело, а потому, что было правильно. Я нашла маску. Или маска нашла меня. И это было началом. Началом пути к себе. Пути, который я только начинала.

На каналах под маской

Наутро я проснулась в маленьком отеле на окраине Венеции, в комнате с окном, выходящим на канал, где гондолы покачивались на тёмной воде, как чёрные лебеди, и первое, что я увидела, открыв глаза, — это маска, которая лежала на столе рядом с кроватью. Она лежала там всю ночь, и я смотрела на неё, не решаясь взять в руки, потому что вчера, в мастерской, она была просто папье-маше, просто формой, просто слоями, а сегодня она была чем-то другим. Сегодня она была обещанием, которое я дала себе, когда надела её перед зеркалом и увидела то, что прятала всю жизнь. И я знала, что не могу оставить её лежать на столе — что я должна надеть её снова, но теперь не в мастерской, не для того, чтобы увидеть себя в зеркале, а для того, чтобы выйти с ней в мир.

Я встала, умылась, оделась и взяла маску в руки. Она была холодной — не как лёд, не как камень, а как что-то живое, что провело ночь в покое и теперь ждало пробуждения. Я посмотрела на неё, на длинный нос, на прикрытые глаза, на плотно сжатые губы, на трещины, которые я оставила, на золото, которое я нанесла, — и почувствовала, как что-то внутри меня сжалось и одновременно расслабилось, будто я стояла на пороге чего-то важного. Я не знала, что будет дальше. Не знала, как люди отреагируют на меня в маске. Не знала, как я сама отреагирую на себя в маске. Но я знала, что должна это сделать. Не потому, что кто-то заставляет, не потому, что так надо, не потому, что так правильно, — а потому, что я сама так решила.

Я надела маску. Она села на лицо легко, будто всегда там была. Я посмотрела в маленькое зеркало над умывальником и увидела существо с длинным носом и прикрытыми глазами, и это существо было не чужое, не страшное, не смешное — оно было моё. Я не узнала себя. Или, наоборот, узнала — впервые за много лет. Это была я. Та, которую я прятала. Та, которую я боялась. Та, которую я создала своими руками. И в этом отражении, в этой встрече, в этом «это я» было что-то, чего я не испытывала никогда раньше. Что-то похожее на свободу.

Я вышла на улицу, и Венеция встретила меня так, будто ничего не изменилось: те же каналы, те же мосты, те же туристы с фотоаппаратами, те же гондолы, покачивающиеся на тёмной воде, те же чайки, кричащие над крышами. Но что-то всё же изменилось — не снаружи, а внутри, в том месте, где раньше была пустота, а теперь что-то теплилось, что-то дышало, что-то жило. Я шла по набережной, и люди смотрели на меня — не с осуждением, не с насмешкой, не с удивлением, а просто смотрели, потому что в карнавале нет ничего странного в том, что человек в маске идёт по улице. Карнавал — это время, когда все носят маски. Карнавал — это время, когда быть кем-то другим — нормально.

Но я не была на карнавале. Карнавал ещё не начался по-настоящему — он должен был начаться через несколько дней, а пока только первые туристы в масках появлялись на улицах, только первые витрины украшались, только первые звуки музыки доносились из кафе. И я шла по этим улицам в маске, которая была не карнавальной, не театральной, не чужой, а моей. Я шла и чувствовала, как что-то во мне меняется. Не потому, что маска что-то изменила во мне, а потому, что она позволила мне стать той, кем я боялась быть. Я стала другой. Не той, кем была минуту назад, не той, кем была в мастерской, не той, кем была всю свою жизнь. Я стала той, кто носит маску.

Анонимность — это странное чувство, которое невозможно объяснить тому, кто не испытывал его. Ты идёшь по улице, и тебя никто не знает. Никто не знает твоего имени, твоей

истории, твоих страхов, твоих побед, твоих поражений, твоих надежд, твоих разочарований. Ты — просто человек в маске. Просто кто-то. И в этом «просто кто-то» есть свобода, которой ты не знал раньше. Ты можешь быть кем угодно. Ты можешь делать то, что боялся делать. Ты можешь говорить то, что боялся говорить. Ты можешь быть собой — или не собой — и никто не осудит, никто не оценит, никто не скажет: «Это не ты».

Я подумала: а что, если вся моя жизнь — это карнавал, в котором я забыла, что ношу маску? Что, если я так привыкла к своей роли, что перестала замечать, что это только роль? Что, если я так срослась со своей Персоной, что перестала понимать, где заканчивается маска и начинаюсь я? Я носила маску «сильной женщины», «профессионала», «дочери», «подруги» — и я так привыкла к этим маскам, что перестала замечать, что они не мои. Они были сшиты для меня другими — родителями, обществом, ожиданиями, — и я носила их так долго, что они стали моей кожей. А карнавал — это легальный способ снять кожу и посмотреть, что под ней.

Я вспомнила слова Карла Густава Юнга, которые выписала в свой дневник ещё в первой книге: «Персона — это компромисс между индивидом и обществом». Юнг говорил, что Персона — это не болезнь и не порок, а необходимость, маска, которую мы носим, чтобы соответствовать требованиям социальной среды. Опасность не в самой маске, а в том, что мы начинаем отождествлять себя с ней. Мы забываем, что это только роль, и начинаем верить, что мы и есть эта роль. Я носила свою Персону так долго, что перестала понимать, где заканчивается маска и начинаюсь я. И теперь, в Венеции, в маске, которую я создала сама, я впервые за много лет задала себе вопрос: а кто я без этой маски? И, что важнее, — кто я в этой маске?

Я не знала ответа. Есть только пустота, которая пугает и одновременно манит, как дверь, за которой может быть всё что угодно: и новая жизнь, и старая боль, и то самое лицо, которое я так долго прятала. Я не знала, что найду в Венеции. Может быть, ничего. Может быть, всё. Может быть, то, что я ищу, окажется совсем не тем, что я ожидала. Но я знала одно: я больше не могу жить в маске, которую не выбирала. Я хочу если не снять её, то хотя бы увидеть. Понять, из чего она сделана. Увидеть швы. Найти трещины. Может быть, через эти трещины я смогу разглядеть своё настоящее лицо.

Эта глава — о том, что происходит, когда ты выходишь в мир в маске. О том, как анонимность меняет поведение. О том, как маска позволяет делать то, что ты боялся делать без неё. О том, как лабиринт венецианских улочек становится лабиринтом твоих собственных масок, за которыми теряется истинное лицо. О том, как затопленная площадь Сан-Марко становится образом уязвимости, проступающей сквозь помпезность. Я буду писать о своём опыте, но я знаю, что этот опыт не уникален. Мы все носим маски. Мы все боимся их снять. Мы все задаём себе вопрос: а что, если под маской ничего нет? И я хочу исследовать этот вопрос не в теории, а на практике. Не в кабинете психолога, а на улицах Венеции. Не в книге, а в жизни.

Анонимность и свобода

Я шла по набережной в маске, и первое, что я заметила, — это то, что люди на меня не смотрят. Не потому, что меня нет, не потому, что я невидима, не потому, что я растворилась в толпе, — а потому, что в маске я стала одной из многих, одной из тех, кто не привлекает внимания, одной из тех, кто просто идёт по своим делам. Я привыкла к другому: к тому, что на меня смотрят, что меня оценивают, что меня запоминают, что от меня чего-то ждут. В маске этого не было. В маске я была свободна от чужих взглядов, от чужих ожиданий, от чужих оценок. И эта свобода была не пугающей, а освобождающей. Я шла и чувствовала, как что-то

внутри меня расслабляется, как что-то отпускает, как что-то, что было напряжено всю жизнь, наконец перестаёт сжиматься.

Я зашла в маленькое кафе на набережной, заказала кофе и села у окна. Официант посмотрел на меня без удивления — в Венеции в январе в маске никого не удивишь, — и это было странно и приятно одновременно. Я привыкла, что моё лицо — это моя визитная карточка, что по нему читают моё настроение, моё состояние, моё отношение к миру. В маске этого не было. Моё лицо было скрыто, и я могла быть кем угодно: уставшей, весёлой, злой, равнодушной, влюблённой, одинокой — и никто не мог этого увидеть. Я могла чувствовать то, что чувствовала, и не бояться, что кто-то заметит, кто-то осудит, кто-то спросит: «Что с тобой?» Я сидела, пила кофе и наблюдала за людьми, и в этом наблюдении было что-то, чего я не испытывала раньше, — не любопытство, не оценка, не сравнение, а просто интерес.

Я смотрела на людей, которые шли мимо, и видела их маски. Не венецианские, не карнавальные, не папье-маше, а другие — те, которые они носили каждый день, не замечая, что носят. Женщина с ребёнком улыбалась, но в её глазах была усталость, которую она прятала за улыбкой, — это была маска «хорошей матери, которая всё успевает». Мужчина в деловом костюме говорил по телефону, и его голос был уверенным, твёрдым, почти агрессивным, — это была маска «успешного человека, который знает, чего хочет». Девушка в наушниках шла, глядя в телефон, и её лицо было пустым, отсутствующим, — это была маска «человека, которому всё равно». Я смотрела на них и понимала, что все они носят маски, что все они прячутся, что все они боятся показать своё настоящее лицо. И я была одной из них. Только моя маска была видимой, а их — невидимыми.

Я допила кофе и вышла на улицу. Я шла по набережной, и постепенно во мне просыпалось что-то, чего я не чувствовала давно, — свобода. Не та свобода, которую я искала в Исландии, — свобода от людей, от шума, от обязательств, — а другая, более глубокая, более настоящая. Свобода быть той, кем я хочу быть. Свобода делать то, что я хочу делать. Свобода говорить то, что я хочу говорить. В маске я могла всё. Я могла зайти в любой магазин и ничего не купить. Я могла сесть на скамейку и просидеть час, глядя на воду. Я могла заговорить с незнакомцем и не бояться, что он подумает обо мне что-то не то. Я могла быть кем угодно — и это было не страшно, а захватывающе.

Я подошла к уличному музыканту, который играл на скрипке что-то грустное и красивое, и остановилась рядом, слушая. Я никогда не делала этого раньше — не останавливалась, не слушала, не стояла просто так, не отдаваясь моменту. Я всегда спешила, всегда куда-то шла, всегда что-то делала. А сейчас я стояла и слушала, и музыка проникала в меня, и что-то внутри меня отзывалось, что-то, что я давно не чувствовала. Я закрыла глаза, и в темноте под веками я увидела себя — маленькую девочку, которая когда-то мечтала танцевать, которая когда-то пела в ванной, которая когда-то смеялась без причины. Я увидела себя и поняла, что эта девочка всё ещё во мне. Она не исчезла. Она просто спряталась. И маска, которую я надела, помогла ей выйти.

Я открыла глаза и посмотрела на музыканта. Он играл, не поднимая головы, не глядя на прохожих, не ожидая ничего, — просто играл, потому что не мог не играть. И я подумала: а что, если бы я могла так? Что, если бы я могла делать что-то просто потому, что не могу не делать? Что, если бы я могла быть собой просто потому, что не могу быть никем другим? Я бросила монету в его футляр, и он поднял голову, посмотрел на меня, кивнул — и в этом кивке было что-то, что я поняла без слов. Он понял, что я слушала. Он понял, что музыка что-то

во мне затронула. Он понял, что я не просто прошла мимо. И в этом понимании было что-то, чего я не испытывала с теми, кто знал меня всю жизнь, — не потому, что они не хотели понять, а потому, что я не давала им возможности, потому что я всегда носила маску, которая не давала им увидеть меня настоящую.

Я пошла дальше, и улицы Венеции открывались мне с новой стороны. Я заходила в переулки, которые раньше не заметила бы, потому что они не вели ни к какой достопримечательности. Я смотрела на окна, на двери, на балконы, на цветы в горшках, на кошек, сидящих на подоконниках, — на всё то, что обычно проходит мимо, потому что ты смотришь только вперёд, только на цель, только на то, что запланировала. В маске я не спешила. В маске я могла позволить себе не спешить. В маске я могла позволить себе замечать. И в этом замечании было что-то, что я давно потеряла, — способность видеть мир не как фон для моих действий, а как нечто самостоятельное, живое, интересное.

Я остановилась у витрины маленького магазина, где продавались венецианские стеклянные украшения. Я смотрела на них, и они переливались всеми цветами радуги, и в этом переливании было что-то, что меня завораживало. Я никогда не носила украшений — не потому, что не любила, а потому, что считала, что не заслуживаю, что это не для меня, что это слишком ярко, слишком заметно, слишком смело. В маске я могла позволить себе зайти в этот магазин. Я могла позволить себе примерить эти украшения. Я могла позволить себе быть той, кто носит красивое, кто не боится быть заметной, кто не прячется за серым и незаметным. Я зашла в магазин, и продавщица посмотрела на меня без удивления, и я поняла, что в маске я могу быть кем угодно, даже той, кто носит стеклянные бусы и не боится, что они слишком яркие.

Я вышла из магазина с маленьким стеклянным кулоном на шее. Он был синим, как лагуна, как небо над Венецией, как вода в каналах, как то, что я искала всю жизнь, но не могла найти. Я повесила его на шею и почувствовала, как что-то во мне изменилось. Не потому, что кулон был красивым, не потому, что он был дорогим, не потому, что он был особенным, — а потому, что я позволила себе его купить. Я позволила себе сделать что-то для себя. Я позволила себе быть той, кто заслуживает. И это было не про кулон. Это было про меня. Про то, что я могу выбирать. Про то, что я могу хотеть. Про то, что я могу брать.

Я шла дальше, и день клонился к вечеру, и солнце садилось за крыши домов, и Венеция становилась золотой, розовой, сиреневой, как будто кто-то разлил по небу краски. Я шла по набережной, и маска лежала на моём лице, и я больше не чувствовала её тяжести. Она стала частью меня. Не той частью, которая прячет, а той, которая открывает. Не той, которая защищает, а той, которая освобождает. Я думала о том, что сегодня я сделала то, что боялась делать всю жизнь. Я позволила себе быть собой. Я позволила себе быть другой. Я позволила себе быть. И в этом «быть» было что-то, чего я не испытывала никогда раньше. Что-то похожее на счастье. Не на радость, не на восторг, не на эйфорию, а на тихое, спокойное, глубокое счастье. Счастье быть здесь. Счастье дышать. Счастье жить.

Я села на каменный парапет у канала и достала дневник. Я записала: «Сегодня я носила маску весь день. Я не пряталась. Я не боялась. Я была свободна. Я делала то, что хотела. Я говорила то, что хотела. Я была той, кем хотела быть. И это было не страшно. Это было легко. Это было правильно. Я не знаю, кто я без маски. Но я знаю, кто я в маске. И, может быть, это одно и то же. Может быть, маска не прячет меня, а открывает. Может быть, маска — это не то, что я ношу, а то, что я есть. Может быть, я и есть эта маска. И это не страшно. Это просто факт. Я — это я. С маской и без. Я — это я».

Я закрыла дневник и посмотрела на воду. В канале отражались дома, мосты, небо, и в этом отражении было что-то, что меня успокаивало. Я не знала, что будет завтра. Не знала, куда приведёт меня этот путь. Не знала, какие ещё маски я надену, какие лица увижу, какие открытия сделаю. Но я знала, что сегодня я сделала шаг. Шаг навстречу себе. Шаг навстречу той, которой я боялась быть. Шаг навстречу той, которой я всегда была. И этого было достаточно. На сегодня. На этот момент. На это начало.

Я вспомнила, как в детстве, когда мне было лет семь или восемь, я нашла на чердаке бабушки старую маску — не венецианскую, а простую, картонную, сделанную кем-то из старших детей для школьного спектакля. Она была грубой, криво раскрашенной, но в ней было что-то, что меня завораживало. Я надевала её и представляла, что я — кто-то другой. Не я, а принцесса. Не я, а разбойница. Не я, а птица. Я могла быть кем угодно, и никто не мог меня узнать. И в этом было такое освобождение, такое счастье, которое я не испытывала потом никогда — до сегодняшнего дня. Я вспомнила это и поняла, что маска, которую я надела сегодня, — это не новая маска. Это та самая, детская, только повзрослевшая. Она ждала меня все эти годы. И теперь я наконец её надела.

Я думала о том, что маска — это не только то, что мы носим, чтобы скрыться. Маска — это ещё и то, что мы носим, чтобы проявиться. В детстве я надевала маску, чтобы стать кем-то другим, — и в этом «кем-то другим» я находила себя. Сегодня я надела маску, чтобы увидеть себя, — и в этом «увидеть себя» я нашла не только боль, но и красоту. Маска — это зеркало. Она отражает не то, что мы показываем миру, а то, что мы прячем от себя. И если мы готовы смотреть в это зеркало, если мы готовы видеть то, что оно отражает, — тогда маска становится не тюрьмой, а инструментом. Не защитой, а проводником. Не стеной, а дверью.

Я сидела на парапете, и мимо шли люди — в масках и без, — и я смотрела на них и думала о том, что каждый из них носит маску. Кто-то носит её сознательно, как я сегодня. Кто-то носит её бессознательно, как я всю свою жизнь. Кто-то прячется за маской, потому что боится. Кто-то прячется за маской, потому что не знает, как быть без неё. Кто-то сросся с маской так, что уже не помнит, что под ней есть лицо. И я подумала: а что, если мы все могли бы хотя бы на день снять свои маски? Что, если бы мы могли хотя бы на день увидеть друг друга настоящими? Что, если бы мы могли хотя бы на день перестать бояться и просто быть? Может быть, тогда мир стал бы другим. Может быть, тогда мы стали бы другими. Может быть, тогда мы нашли бы то, что ищем всю жизнь, — себя.

Я вспомнила слова Юнга, которые выписала в дневник ещё в первой книге: «Тот, кто смотрит в зеркало воды, видит прежде всего самого себя. Тот, кто идёт к себе, рискует встретиться с собой». Я уже встретила себя в ледниковой лагуне. Я видела свои замороженные айсберги, свои травмы, свои страхи. Но Юнг говорил не только о личном бессознательном. Он говорил о Тени — о той части нас, которую мы отвергаем, прячем, не хотим признавать. И я поняла, что встреча с Тенью — это не финал, а только начало. Я увидела свои айсберги, но не заглянула под воду. Я не спросила, что там, на глубине, где темно и холодно, где живёт то, что я так долго прятала не только от других, но и от себя. И сегодня, в маске, я сделала первый шаг к тому, чтобы заглянуть под воду.

Я встала с парапета и пошла дальше, и ноги сами вели меня куда-то, и я не сопротивлялась. Я не знала, куда иду, не знала, что ищу, не знала, что найду, — но я шла, и в этом движении было что-то, что я давно потеряла, — доверие к себе. Я доверяла своим ногам. Я доверяла

своему телу. Я доверяла тому, что оно знает, куда идти. Я доверяла тому, что оно приведёт меня туда, где мне нужно быть. И это доверие было не наивным, не слепым, не безрассудным, — это было доверие, основанное на опыте, на знании, на том, что я уже прошла через многое и выжила. Я доверяла себе. И это было началом.

Я шла по улицам Венеции, и маска лежала на моём лице, и я больше не чувствовала её тяжести. Она стала частью меня. Не той частью, которая прячет, а той, которая открывает. Не той, которая защищает, а той, которая освобождает. Я думала о том, что сегодня я сделала то, что боялась делать всю жизнь. Я позволила себе быть собой. Я позволила себе быть другой. Я позволила себе быть. И в этом «быть» было что-то, чего я не испытывала никогда раньше. Что-то похожее на счастье. Не на радость, не на восторг, не на эйфорию, а на тихое, спокойное, глубокое счастье. Счастье быть здесь. Счастье дышать. Счастье жить.

Я подошла к мосту и остановилась, глядя на воду. В канале отражались дома, мосты, небо, и в этом отражении было что-то, что меня успокаивало. Я не знала, что будет завтра. Не знала, куда приведёт меня этот путь. Не знала, какие ещё маски я надену, какие лица увижу, какие открытия сделаю. Но я знала, что сегодня я сделала шаг. Шаг навстречу себе. Шаг навстречу той, которой я боялась быть. Шаг навстречу той, которой я всегда была. И этого было достаточно. На сегодня. На этот момент. На это начало.

Я достала дневник и записала: «Сегодня я была в маске. Я не пряталась. Я не боялась. Я была свободна. Я делала то, что хотела. Я говорила то, что хотела. Я была той, кем хотела быть. И это было не страшно. Это было легко. Это было правильно. Я не знаю, кто я без маски. Но я знаю, кто я в маске. И, может быть, это одно и то же. Может быть, маска не прячет меня, а открывает. Может быть, маска — это не то, что я ношу, а то, что я есть. Может быть, я и есть эта маска. И это не страшно. Это просто факт. Я — это я. С маской и без. Я — это я».

Я закрыла дневник и пошла дальше, и улицы Венеции вели меня куда-то, и я не сопротивлялась. Я не знала, куда иду, не знала, что ищу, не знала, что найду, — но я шла, и в этом движении было что-то, что я давно потеряла, — доверие к себе. Я доверяла своим ногам. Я доверяла своему телу. Я доверяла тому, что оно знает, куда идти. Я доверяла тому, что оно приведёт меня туда, где мне нужно быть. И это доверие было не наивным, не слепым, не безрассудным, — это было доверие, основанное на опыте, на знании, на том, что я уже прошла через многое и выжила. Я доверяла себе. И это было началом.

Я остановилась у маленькой церкви, которая стояла в стороне от туристических маршрутов, и зашла внутрь. Внутри было темно, тихо, прохладно, и пахло воском и ладаном. Я села на скамью и закрыла глаза, и в этой темноте, в этой тишине, в этом запахе было что-то, что меня успокаивало. Я не молилась — я не умела молиться, я не знала, кому молиться, я не верила в то, во что верят другие. Но я сидела, и дышала, и чувствовала, как что-то во мне становится на место. Как что-то во мне затихает. Как что-то во мне успокаивается. И в этом спокойствии было что-то, что я искала всю жизнь, — тишина. Не та тишина, которая снаружи, а та, которая внутри.

Я открыла глаза и посмотрела на алтарь. Там горели свечи, и их пламя дрожало, и в этом дрожании было что-то, что напоминало мне меня — дрожащую, колеблющуюся, непостоянную, но всё же горящую. Я подумала о том, что я тоже горю. Не всегда ярко, не всегда ровно, не всегда заметно, — но горю. И это пламя не погасло, несмотря ни на что. Несмотря на все мои потери, на все мои разочарования, на все мои страхи, на все мои маски. Оно всё ещё горело.

И это было чудом. Не тем чудом, о котором говорят в церкви, а другим — тихим, будничным, незаметным. Чудом того, что я всё ещё жива. Чудом того, что я всё ещё здесь. Чудом того, что я всё ещё ищу.

Я вышла из церкви на улицу, и солнце уже село, и Венеция стала синей, глубокой, таинственной. Я шла по набережной, и маска лежала на моём лице, и я больше не чувствовала её тяжести. Она стала частью меня. Не той частью, которая прячет, а той, которая открывает. Не той, которая защищает, а той, которая освобождает. Я думала о том, что сегодня я сделала то, что боялась делать всю жизнь. Я позволила себе быть собой. Я позволила себе быть другой. Я позволила себе быть. И в этом «быть» было что-то, чего я не испытывала никогда раньше. Что-то похожее на счастье. Не на радость, не на восторг, не на эйфорию, а на тихое, спокойное, глубокое счастье. Счастье быть здесь. Счастье дышать. Счастье жить.

Я вернулась в отель, сняла маску и положила её на стол. Я посмотрела на неё, и она больше не казалась мне чужой, страшной, непонятной. Она была моей. Она была мной. Я легла спать, и сон пришёл быстро, и в этом сне не было страха, не было тревоги, не было пустоты. Был только покой. Тот самый покой, который я искала всю жизнь и не могла найти. И я поняла, что нашла его. Не в Исландии, не в ледниках, не в шторме, не в тишине, — а здесь, в Венеции, в маске, которую я создала своими руками. Я нашла его в себе. И это было началом. Началом новой жизни. Началом новой меня.

Тупики и лабиринты

На следующее утро я снова надела маску и вышла из отеля, но на этот раз я не пошла по набережной, не пошла по туристическим маршрутам, не пошла туда, где были люди, кафе, магазины, музыка. Я пошла вглубь. В те переулки, которые не отмечены на картах, в те дворы, куда не заглядывают туристы, в те лабиринты, которые Венеция прячет от всех, кроме тех, кто готов заблудиться. Я не знала, куда иду. Не знала, что ищу. Не знала, что найду. Но я знала, что должна туда попасть. Потому что вчера я гуляла по Венеции, а сегодня я хотела потеряться в ней. Потеряться так, чтобы найти. Найти то, что не находится на прямых дорогах.

Я свернула с набережной в первый попавшийся переулок, и сразу же поняла, что это не просто переулок — это коридор, который ведёт неизвестно куда, это лабиринт, который не имеет выхода, это ловушка, в которую попадают те, кто слишком самоуверенно думает, что знает дорогу. Стены были высокими, окна — закрытыми, двери — запёртыми, и не было ни указателей, ни подсказок, ни намёков на то, куда идти. Я шла и чувствовала, как что-то внутри меня сжимается, как что-то внутри меня паникует, как что-то внутри меня хочет развернуться и вернуться на знакомую дорогу. Но я не разворачивалась. Я продолжала идти. Потому что я знала, что этот лабиринт — не только снаружи, но и внутри. И если я хочу найти выход из внешнего, я должна сначала найти выход из внутреннего.

Я думала о том, что вся моя жизнь была лабиринтом. Не прямым путём, не ясной дорогой, не понятным маршрутом, — а запутанной сетью коридоров, тупиков, поворотов, развилок, которые вели неизвестно куда. Я шла по этому лабиринту всю жизнь, не зная, где выход, не зная, где центр, не зная, где я нахожусь. Иногда мне казалось, что я нашла правильную дорогу, что я вышла на прямую, что я приближаюсь к цели, — а потом оказывалось, что я снова заблудилась, что я снова вернулась на то же место, что я снова стою перед той же стеной. И я не знала, как выйти. Не знала, как найти выход. Не знала, как перестать ходить по кругу.

Я остановилась перед стеной, которая перегородила мне путь. Это был тупик. Настоящий, без вариантов, без лазеек, без обходных путей. Я стояла и смотрела на эту стену, и в этом стоянии было что-то, что я узнавала. Я стояла перед стеной всю свою жизнь. Я упиралась в стену, когда пыталась изменить то, что не могла изменить. Я упиралась в стену, когда пыталась быть той, кем не была. Я упиралась в стену, когда пыталась жить по чужим правилам, по чужим ожиданиям, по чужим сценариям. Я упиралась в стену, и каждый раз думала, что это конец, что дальше дороги нет, что я должна сдаться. Но каждый раз я находила в себе силы развернуться. Не потому, что была сильной. Не потому, что знала выход. А потому, что стоять на месте было ещё хуже, чем идти неизвестно куда.

Я развернулась и пошла обратно, и в этом развороте не было поражения. Не было сдачи. Не было капитуляции. Был просто выбор. Выбор не стоять перед стеной, которая никуда не ведёт. Выбор не биться головой о камень, который не сдвинется. Выбор искать другой путь. Может быть, он тоже ведёт в тупик. Может быть, он тоже заканчивается стеной. Может быть, я снова заблужусь и снова вернусь на то же место. Но, может быть, этот путь ведёт куда-то. Может быть, этот путь ведёт к выходу. Может быть, этот путь ведёт к себе. И этого было достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Я пошла по другому коридору, и он был не похож на первый. Он был уже, темнее, извилистее, но в нём было что-то, что-то, чего не было в первом, — окно. Маленькое, зарешёченное, но окно. Я подошла к нему и посмотрела наружу, и увидела кусочек неба, кусочек воды, кусочек Венеции, которая продолжала жить своей жизнью, не замечая, что я заблудилась в её лабиринте. И в этом окне, в этом кусочке мира, который я увидела сквозь решётку, было что-то, что меня успокаивало. Что-то, что говорило: ты не одна. Что-то, что говорило: выход есть. Что-то, что говорило: продолжай идти.

Я продолжила идти, и коридор вывел меня на маленькую площадь, которая была не отмечена на карте, не упомянута в путеводителях, не известна туристам. Это был скрытый двор, окружённый домами, с колодцем посередине, с кошкой, сидящей на краю колодца, с бельём, развешанным на верёвках между окнами. Я остановилась и посмотрела на этот двор, и в этом взгляде было что-то, что я узнавала. Это был не тупик. Это был выход. Но не тот выход, который я искала. Не выход из лабиринта. А выход из суеты, из шума, из бесконечной гонки, которая была моей жизнью. Это был выход в тишину. В покой. В настоящее. И я поняла, что иногда лабиринт ведёт не туда, куда ты хочешь, а туда, куда тебе нужно.

Я села на каменную скамейку у колодца и достала дневник. Я записала: «Сегодня я заблудилась в Венеции. Я шла по лабиринту, и он привёл меня в тупик. Я развернулась и пошла по другому коридору, и он привёл меня на площадь, которой нет на карте. И на этой площади я поняла, что лабиринт — это не только снаружи. Лабиринт — это внутри. Это мои роли, мои маски, мои ожидания, мои страхи, мои „должна“ и „надо“. Я хожу по этому лабиринту всю жизнь, и не могу найти выход, потому что выход — не в конце. Выход — в осознании. В осознании того, что я хожу по кругу. В осознании того, что стены — это не стены. Это мои собственные ограничения. И если я хочу выйти, я должна сначала увидеть их. Назвать их. Признать их. И тогда, может быть, они перестанут быть стенами. Может быть, они станут дверями».

Я закрыла дневник и посмотрела на кошку. Она сидела на краю колодца и смотрела на меня, и в её глазах не было ни страха, ни любопытства, ни оценки — только спокойное, равнодушное, глубокое знание. Она знала этот двор. Знала этот колодец. Знала это бельё. Она жила здесь всю свою жизнь, и ей не нужно было искать выход, потому что она не искала вход. Она

просто была. И в этом «просто была» было что-то, чему я могла у неё научиться. Не искать. Не гнаться. Не бороться. Просто быть. Просто дышать. Просто жить. И, может быть, тогда лабиринт перестанет быть лабиринтом. Может быть, тогда он станет домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.